

ВОЛЫНСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Выходятъ два раза въ мѣсяць—1 и 18 числа. Подписка принимается въ Редаціи Волынскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, въ городѣ Кременшѣ.

Дѣла годовому изданію, съ пересылкою и доставкою на домъ 4 руб. 50 коп. сер. Безъ пересылки и безъ доставки на домъ 3 руб. 50 коп. сер.

1 Мая

№ 9

1874

года.

ЧАСТЬ ОФФИЦІАЛЬНАЯ.

1.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

ВЫСОЧАЙШІЯ НАГРАДЫ

Государь Императоръ, 31 марта, Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать, по духовному вѣдомству, слѣдующія награды:

Члену св. Синода архіепископу Василию алмазныи крестъ для ношенія на клобукъ; архіепископу тверскому Филоою и архіепископу калужскому Григорію алмазные знаки ордена святаго благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго. Епископу дмитровскому Леониду панайю, украшенную драгоцѣнными камнями. Преосвященнымъ: Гурію епископу таврическому и симферополь-

скому, Веніамину, епископу иркутскому и нерчинскому, Іоанникію, архіепископу нижегородскому и арзамаскому, Герасиму, епископу самарскому и ставропольскому, Митрофану епископу оренбургскому и уральскому и Софоніи епископу туркестанскому и ташкентскому, орденъ *св. равноапостольнаго князя Владиміра второй степени большаго креста*. Преосвященнымъ: Тихону епископу саратовскому и царицынскому, Герману, епископу кавказскому и екатеринодарскому, Антонію, епископу енисейскому и красноярскому и Никанору, епископу аксайскому, викарію донской епархіи, орденъ *св. Анны первой степени*.

— Именнымъ Высочайшимъ указомъ, даннымъ святѣйшему Синоду 31 сего марта, епископъ черниговскій Наѳанайлъ, во вниманіе къ долговременному и усердному пастырскому служенію его, Всемилостивѣйше возведенъ въ санъ *архіепископа*.

— Именнымъ Высочайшимъ указомъ, даннымъ капитулу Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ орденовъ, 31 сего марта, преосвященные викаріи епархій: воронежской, епископъ острогожскій Веніаминъ; харьковской, епископъ сумскій Веніаминъ и с.-петербургской, епископъ выборскій Гермогенъ, во вниманіе къ отличному усердному служенію, всемилостивѣйше сопричислены къ ордену *св. равноапостольнаго князя Владиміра 3-й степени*.

— Государь Императоръ, 31 сего марта, Всемилостивѣйше соизволилъ пожаловать по вѣдомству православнаго исповѣданія слѣдующіе ордена: *св. Анны 1-й степени*—товарищу оберъ-прокурора святѣйшаго Синода, тайному совѣтнику Толстому; *св. Станислава 1-й степени*—помощнику управляющаго канцелярією святѣйшаго Синода, дѣйствительному статскому совѣтнику Павловскому; *св. Владиміра 3-й степени* чиновнику особыхъ порученій при оберъ-прокурорѣ святѣйшаго Синода, статскому совѣтнику Шаврову и помощнику ректора и

ординарному профессору московской духовной академіи, доктору богословія **Кудрявцеву**; *св. Владимира 4-й степени*: статскимъ совѣтникамъ: врачу казанской духовной семинаріи, доктору медицины **Кривошапкину** и помощнику юрисконсульта при оберъ-прокурорѣ святѣйшаго Синода **Велихову** и магистрамъ богословія: экстраординарному профессору московской духовной академіи **Субботину** и инспектору новгородской духовной семинаріи **Абрамовичу**.

УКАЗЫ СВЯТѢЙШАГО ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СУНОДА:

Отъ 14 Января 1874 года за № 7 о подтвержденіи по духовному ведомству къ исполненію постановленнаго въ 220 ст. Пен. Уст. правила, при опредѣленіи вновь на службу лицъ, уволенныхъ въ отставку съ пенсіею.

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложеніе Господина Исправляющаго должность Синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 5 Октября за № 10130, о томъ, а) что, по отзыву исправляющаго должность Министра Финансовъ, нѣкоторые Правительственныя мѣста и лица, при опредѣленіи лицъ, уволенныхъ въ отставку съ пенсіею, вновь на службу, не исполняютъ установленнаго 220 ст. Пен. Уст. правила, коимъ вѣнено всѣмъ мѣстамъ, куда пенсіонеры поступаютъ на службу съ содержаніемъ, увѣдомлять о томъ, какъ тѣ казначейства, откуда они получали пенсію, такъ и Департаментъ Государственнаго Казначейства; б) что велѣдствіе того пенсіи эти своевременно не исключаются изъ расхода и было нѣсколько случаевъ неправильнаго производства пенсій чиновникамъ, поступившимъ изъ отставки на службу съ содержаніемъ, превышающимъ пенсію и даже вторичнаго назначенія пенсіи при увольненіи вновь въ отставку и в) что въ предотвращеніе сего Тайный Совѣтникъ Гирсъ

просить подтвердить все́мъ учрежденіямъ, подвѣдомствен-
нымъ Святѣйшему Синоду, о неупустительномъ исполненіи
вышеуказаннаго узаконенія. Приказали: предписать
подлежащимъ мѣстамъ и лицамъ Духовнаго вѣдомства
печатными указами, чтобы поставленное въ 220 ст.
Пен. Уст. правило было въ точности и неупустительно
исполняемо при опредѣленіи вновь на службу лицъ, уво-
ленныхъ въ отставку съ пенсією.

*Отъ 26 Февраля 1874 года за № 10 о количествѣ
гербоваго сбора, взыскиваемаго при выдачѣ метрическихъ
свидѣтельствъ по требованіямъ присутственныхъ мѣстъ.*

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА,
Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предло-
женное Господиномъ Синодальнымъ Оберъ - Прокуроромъ
ходатайство одного Дворянскаго Депутатскаго Собранія
объ отміѣнѣ распоряженія мѣстной Духовной Консисторіи,
по коему сія послѣдняя, выдавая, согласно циркулярному
указу Святѣйшаго Синода отъ 8 Марта 1869 года, ме-
трическія свидѣтельства по отношеніямъ Депутатскаго
собранія, взыскиваетъ вѣсть съ гербовыми пошлинами
еще 70 коп. за листъ прошенія, съ которымъ лицо, о
коемъ Депутатское Собраніе относится, должно было само
обратиться въ Консисторію. Сообразивъ съ законами это
ходатайство Дворянскаго Собранія, Святѣйшій Синодъ
находитъ: по Уставу Духовныхъ Консисторій, Высочайше
утвержденному 27 Марта 1841 года, ст. 273 и
по Св. Зак. Т. X. ч. I. ст. 122, метрическія свидѣтельства
о бракѣ и рожденіи выдаются только духовными властями
и притомъ только лицамъ, поименованнымъ въ с. 274
Устава Консисторій, а слѣдовательно и съ прошеніями о
выдачѣ таковыхъ свидѣтельствъ слѣдуетъ обращаться не
въ Депутатскія Собранія, а къ мѣстамъ и лицамъ духов-
наго вѣдомства. Хотя, на основаніи п. 14 ст. 117 Уст. о
пошл. Т. V., Синодальнымъ указомъ 8-го Марта 1869 года
предписано Духовнымъ учрежденіямъ выдавать метриче-

скія свидѣтельства и по отношеніямъ присутственныхъ мѣстъ, но при этомъ постановлено соблюдать требуемое приведеннымъ п. 14 ст. 117 правило, чтобы дѣла этого рода производились на гербовой бумагѣ. Здѣсь подъ словомъ «дѣла» слѣдуетъ разумѣть и прошенія о начати сихъ дѣлъ; ибо просьбы по этому предмету не могутъ входить въ составъ прошеній, подаваемыхъ частными лицами въ Депутатскія Собранія, такъ какъ въ сіи Собранія, согласно ст. 144—147 Т. IX. зак. о сост. должны быть представляемы уже предварительно полученные просителями метрическія свидѣтельства. По сими соображеніямъ, признавая упомянутое распоряженіе Духовной Консисторіи правильнымъ, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: въ изъясненномъ ходатайствѣ Дворянскаго Депутатскаго Собранія отказать, и, для свѣдѣнія о семъ и руководства въ нужныхъ случаяхъ, дать знать по Духовному вѣдомству печатными указами.

Отъ 8 Марта 1874 года за № 12 о скорѣйшемъ составленіи православнымъ духовенствомъ метрическихъ выписей для предстоящаго въ семъ году призыва къ исполненію воинской повинности.

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушалъ предложеніе Господина Синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 20 Февраля сего года за № 591, въ коемъ изъяснено: Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, препровождая экземпляръ даннаго имъ Губернаторамъ циркулярнаго предложенія съ формою, по которой должны быть доставляемы указанная въ 106 и 107 ст. устава о воинской повинности метрическія выписи, просить о содѣйствіи къ скорѣйшему составленію сихъ выписей православнымъ духовенствомъ для предстоящаго осенью текущаго года призыва къ исполненію воинской повинности. Означеннымъ циркулярнымъ предложеніемъ Губернаторамъ предписывается принять всѣ зависящія мѣры, къ скорѣйшей, по возможности, вы-

сылкѣ метрическихъ выписей, съ тѣмъ, что еслибы встрѣтилось препятствіе къ доставленію выписей тѣхъ въ городскія управленія и волостныя Правленія до срока представленія ими призывныхъ списковъ въ Присутствія по воинской повинности, т. е. до 1-го мая (ст. 118 уст. о воинск. пов.), то выписи должны уже отсылаться въ эти Присутствія, по принадлежности, какъ для повѣрки ими призывныхъ списковъ, такъ и для справокъ при самомъ производствѣ призыва. При чемъ изъяснено, что лица и учрежденія, составляющія метрическія выписи, обязаны высылать ихъ: а) о рожденныхъ отъ лицъ, внесенныхъ въ ревизскія сказки или приписанныхъ къ обществамъ послѣ ревизіи (ст. 94 Устава), *Городскаго сословія*—въ городскія Управы (гдѣ же не введено городское положеніе ^{19/23} 1-го ^{19/23} июня 1870 года—въ Думы или замѣняющія ихъ учрежденія) тѣхъ городовъ, къ которымъ родители ихъ принадлежали, *сельскаго сословія*—въ волостныя Правленія, завѣдывающія тѣми сельскими обществами, къ которымъ родители ихъ были приписаны; б) о рожденныхъ отъ лицъ изъятыхъ отъ внесенія въ десятую народную перепись, или вышедшихъ послѣ ревизіи изъ податнаго состоянія (ст. 95 Уст.)—въ уѣздное, окружное или городское присутствіе, по мѣсту нахождения въ то время ихъ родителей и в.) въ областяхъ Уральской, Кубанской и Терской въ подлежащія полицейскія управленія (2 прим. къ ст. 102 Устава) Приказали: Согласно предложенному отношенію Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, предписать по духовному вѣдомству циркулярнымъ указомъ, чтобы приняты были надлежащія мѣры къ скорѣйшему составленію православнымъ духовенствомъ и доставленію, куда слѣдуетъ, метрическихъ выписей за 1853 годъ для предстоящаго осенью текущаго года призыва къ отправленію всеобщей воинской повинности, по сообщенной Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ формѣ и порядкѣ, какой указанъ въ изложенномъ выше циркулярѣ Министра, данномъ Губернаторамъ, при чемъ приложить къ указу и копію съ означенной выше формы.

МЕТРИЧЕСКАЯ ВЫПИСЬ

о родившихся въ 1853 году, по такой-то Волости (или такому-то уѣзду.)

№ по метрической книгѣ.	Мѣсяць и день рожденія.	Имя родившагося.	Званіе, имя, отчество и прозваніе (фамилія) отца, а у незаконнаго—матери.	Если родившійся умеръ, то годъ, мѣсяць и день его кончины.

Составлена тогда-то (годъ, мѣсяць и число) такимъ-то приходскимъ Священникомъ, настоятелемъ такой-то церкви и т. под.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

Определение Волынской Духовной Консисторіи, состоявшееся вслѣдствіе прошенія воспитанника учительской Семинаріи Василя Логвиновича о выпискѣ изданнаго имъ «Дневника» въ бібліотеки церквей и церковно-приходскихъ школъ.

Волынская Духовная Консисторія слушали прошеніе Его Высокопреосвященству воспитанника Юго-Западной Учительской Семинаріи Василя Логвиновича, отъ 3 Февраля, въ коемъ поясняетъ, что въ 1870 году Богъ удостоилъ его посѣтить Св. мѣста Востока. Во все время этого путешествія онъ, Логвиновичъ, велъ свой дневникъ, который духовная цензура нашла годнымъ къ отпечатанію и который въ настоящее время уже отпечатанъ. Дневникъ этотъ написанъ общедоступнымъ слогомъ и доступенъ по цѣнѣ—65 коп. за экземпляръ, съ пересылкою на счетъ его Логвиновича. Желая, чтобы упомянутый дневникъ познакомилъ соотечественниковъ съ состояніемъ Святой земли и прилагая одинъ экземпляръ того дневника, Логвиновичъ проситъ Его Высокопреосвященство оказать содѣйствіе къ распространенію его дневника, присовокупляя, что мѣсто-пребываніе его, Кіевской губерніи, въ м. Корыстышовѣ. Опредѣлили: Составленный воспитанникомъ Юго-Западной Учительской Семинаріи Василемъ Логвиновичемъ дневникъ путешествія его по Святымъ мѣстамъ Востока, хотя и объясняетъ всѣ Святые мѣста въ Палестинѣ; но не можетъ быть полезнымъ для церковно-приходскихъ школъ и для церковныхъ бібліотекъ Волынской епархіи. А потому, не дѣлая распоряженія о приобрѣтеніи онаго дневника для церковно-приходскихъ школъ и бібліотекъ церковныхъ, объ изданіи этого дневника Логвиновичемъ объявить, посредствомъ

Волынскихъ Епархіальныхъ вѣдомостей, духовенству Во-
лынской епархіи, съ предоставленіемъ на волю желаю-
щимъ имѣть оный дневникъ выписать таковой на свой
счотъ прямо—отъ автора—Логвиновича, имѣющаго пре-
бываніе, Кіевской губерніи въ м. Корыстьшовѣ. О чемъ,
для припечатанія въ Волынскихъ Епархіальныхъ вѣдо-
мостяхъ статьи, сообщить изъ Консисторіи въ Редакцію
сихъ вѣдомостей.

Перемѣлы по службѣ мѣщ. Епархіальнаго вѣдомства.

Переведены: Священникъ Житомирской Кладбищен-
ской церкви Михаилъ *Варваринскій* къ Житомирской же
Успенской (Подольской) церкви, на мѣсто умершаго Свя-
щенника Кирилла *Шумскаго*; Священникъ церкви Жито-
мирскаго Тюремнаго замка Иполитъ *Динскій* на свя-
щенническую вакансію къ Житомирской кладбищенской
церкви.

Опредѣлены: на священническую вакансію въ церкви
Житомирскаго тюремнаго замка учитель Житомирскаго
Духовнаго Училища, Студентъ, Матвей *Подмицальскій*
съ оставленіемъ на должности учителя; на священниче-
скую вакансію въ м—кѣ Поричѣ Владимірскаго Уѣзда,
псаломщикъ, окончившій курсъ Семинаріи Василій *Лаври-
ловичъ*; на священническую вакансію въ селѣ Невирѣ Ко-
вельскаго Уѣзда, псаломщикъ, окончившій курсъ Семина-
ріи Владиміръ *Михалевичъ*; на священническую вакансію
въ м—кѣ Бѣлогородкѣ, Заславскаго Уѣзда учитель Жи-
томирскаго Духовнаго Училища, Студентъ, Иванъ *Янов-
скій*; на священническую вакансію въ селѣ Погорѣльцахъ,
Кременецкаго Уѣзда, на мѣсто умершаго Священника
Михаила Малевича учитель Мѣлецкаго Духовнаго Учи-
лища Священникъ Олимпъ *Червинскій*; на должность
псаломщика въ селѣ Кашинцахъ Острожскаго уѣзда, Сту-
дентъ Семинаріи Варѣоломей *Волосевичъ*; на должность
псаломщика въ селѣ Будеражѣ, Дубенскаго уѣзда, окон-
чившій курсъ Семинаріи Аванасій *Говорещій*; на вакан-

сію псаломщика въ селѣ Яновкѣ Ровенскаго Уѣзда, дьячекъ села Новоставецъ, Острожскаго Уѣзда, Михаилъ *Новаковскій*; и. д. псаломщика въ селѣ Городнѣ, Владимірскаго Уѣзда, пономарь села Полапъ того же уѣзда, Симеонъ *Жирицкій*; и. д. псаломщика въ селѣ Затурцахъ Владимірскаго уѣзда, дьяческій сынъ Герасимъ *Зинькевичъ*; и. д. псаломщика въ селѣ Турѣ Ковельскаго уѣзда, причетническій сынъ Павелъ *Михаловскій*; и. д. псаломщика въ селѣ Раковщинѣ, Овручскаго уѣзда, дьяческій сынъ Иполитъ *Тимоловскій*; просфорнею въ селѣ Городищахъ, Луцкаго уѣзда, Стефанида *Голдаевичъ*; церковнымъ старостою въ селѣ Великой Любашѣ, Ровенскаго уѣзда, крестьянинъ Титъ *Тарасюкъ*.

Перемѣщенъ псаломщикъ села Липной, Новоградволинскаго уѣзда, Владиміръ *Капустинскій*; въ село Носовки Житомирскаго уѣзда.

Назначены законоучителями: въ Остропольское, Новоградволинскаго уѣзда, народное училище Священникъ Викторъ *Савкевичъ*; въ Базарское, Овручскаго уѣзда, народное училище Священникъ Флоръ *Ремезовъ*.

Утвержденъ въ должности Благочиннаго 3 округа Новоградволинскаго уѣзда, на мѣсто уволеннаго, по прошенію, Священника Иларіона Янчинскаго, Протоіерей села Старой Чарторіи Θεодосій *Колябинскій*.

Уволены, по прошеніямъ, отъ должностей; дьячекъ села Затурецъ, Владимірскаго уѣзда, Симеонъ *Гутовскій* и дьячекъ села Ключки, Ковельскаго уѣзда, Григорій *Олифировичъ*.

Утвержденіе въ должностяхъ наставницъ *Волынскаго Училища дѣвицъ духовнаго званія*.

Отношеніемъ Г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода отъ 13 Марта 1874 года (№ 879), на имя Его Высокопреосвященства, дано знать, что Ея Императорскимъ Величествомъ Государынею Императрицею въ 12 день Марта 1874 года Высочайше утверждены въ

должностяхъ наставницъ Вольнскаго Училища духовныхъ дѣвицъ исправлявшія сію должность дѣвицы: *Марія Яковлева* и *Евфрасія Баторевичъ*.

Исправлявшая должность помощницы Наставницъ Вольнскаго училища дѣвицъ духовнаго званія дѣвица *Марія Калабановичъ* Г. Оберъ-Прокуроромъ Св. Синода 12 Марта 1874 года утверждена въ сей должности.

Принятіе на казенное содержаніе воспитанницы Люцеской.

Отношеніемъ Г. Оберъ-Прокурора Св. Синода отъ 13 Марта 1874 года (№ 880) дано знать, что Государыня Императрица въ 12 день того же Марта Высочайше соизволила на принятіе своекоштной воспитанницы Старшаго класса Вольнскаго училища духовныхъ дѣвицъ *Анны Люцеской* на казенное содержаніе.

Умерли: дьячекъ села Растова, Ковельскаго уѣзда, *Фотій Ленчевскій*; дьячекъ села Михнова, Заславскаго уѣзда, *Антоній Баськевичъ*; пономарь м—ка Красилова Новоградволинскаго уѣзда, *Димитрій Тышинскій*.

О пожертвованіяхъ въ пользу нуждающихся отъ неурожая жителей Самарской губерніи.

Поступило пожертвованій въ пользу нуждающихся отъ неурожая жителей Самарской губерніи и отправлено изъ Вольнской Духовной Консисторіи къ Преосвященному Герасиму Епископу Самарскому:

Въ Декабрѣ 1873 года	16 р.
Въ Январѣ 1874 года	35 р. 10 к.
Въ Февралѣ —	74 р. 32 к.
Въ Мартѣ —	145 р. 55 ½ к.
Вновь поступило въ Консисторію для отсылки	315 р.
75 к.	

ЦЕРКОВНАЯ ХРОНИКА.

Въ недѣлю Ваій (24 Марта), во временномъ Волынскомъ Каѳедральномъ Соборѣ Его Высокопреосвященствомъ Агаангеломъ Архіепископомъ Волынскимъ совершена божественная литургія, на которой произнесъ слово Ключарь Каѳедрального Собора Магістръ Протоіерей Адрианъ *Пуревичъ*.

Въ понедѣльникъ, (25 Марта), въ праздникъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, во временномъ Волынскомъ Каѳедральномъ Соборѣ Его Высокопреосвященствомъ совершена Божественная Литургія, на которой произнесъ Слово Законоучитель Житомирской Женской Гимназіи Священникъ Иларіонъ *Коровицкій*.

Въ великій четвертокъ, (28 Марта), въ томъ же Соборѣ Его Высокопреосвященствомъ совершена Литургія Св. Василя Великаго съ вечернею въ началѣ оной, а съ 6 часовъ по полудни утренняя великой пятницы съ чтеніемъ 12 страстныхъ Евангелій.

Въ великій пятокъ, (29 Марта), въ томъ же Соборѣ Его Высокопреосвященствомъ совершена вечерня съ выносомъ плащаницы изъ олтаря. Произнесъ Слово Священникъ Житомирской кладбищенской церкви Ипполитъ *Липскій*.

Въ великую субботу, (30 Марта), въ томъ же Соборѣ Его Высокопреосвященствомъ совершена утренняя и крестный ходъ съ плащаницею вокругъ Собора.

Въ день св. Пасхи (31 Марта) въ Житомирской Михайловской церкви, 12 часовъ по полуночи, до 4 часовъ утра, Его Высокопреосвященствомъ совершена утренняя и Божественная Литургія, а въ 3 часа по полудни вечерня. За вечернею произнесъ Слово Священникъ Михайловской церкви Θεодотъ *Храшевичъ*.

Въ четвертокъ, (4 Апрѣля), во временномъ Волынскомъ Каѳедральномъ Соборѣ Его Высокопреосвящен-

ствомъ, со всѣмъ духовенствомъ города Житомира, совершенно благодарственное Господу Богу молебствіе.

Примѣч. Крестный ходъ не могъ быть совершенъ по случаю дождливой погоды.

Въ Омнио Воскресенье, (7 Апрѣля), въ временномъ волинскомъ Каѳедральномъ Соборѣ Его Высокопреосвященствомъ совершена Божественная Литургія.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ВАКАНТНЫХЪ УЧИТЕЛЬСКИХЪ ДОЛЖНОСТЯХЪ ВЪ ДУХОВНЫХЪ СЕМИНАРІЯХЪ.

Отъ правленія курской духовной семинаріи.

При курской духовной семинаріи, съ 26-го февраля, каѳедра литургіи, гомилетики и практическаго руководства для пастырей состоитъ вакантною, за перемѣщеніемъ занимавшаго оную преподавателя семинаріи Георгія Введенскаго на должность смотрителя курскаго духовнаго училища.

Отъ правленія таврической духовной семинаріи.

Въ таврической семинаріи состоитъ вакантною каѳедра греческаго языка. Желающіе занять эту каѳедру благоволятъ подать прошеніе о томъ въ Правленіе Таврической Семинаріи.

Отъ Правленія Кіевской духовной семинаріи.

Въ Кіевской Дух. Семинаріи имѣется вакансія преподавателя физико-математическихъ наукъ, съ жалованьемъ, впредь до введенія полнаго преобразования въ Кіевской Семинаріи 571 р. 30 к. въ годъ, за 8—9 уроковъ въ недѣлю, и по преобразованіи за 15 уроковъ въ недѣлю въ первое пятилѣтіе службы 850 р. въ годъ, а по истеченіи онаго 1080 р. въ годъ. Кандидата для замѣщенія вакансій въ настоящее время въ виду не имѣется.

Отъ правленія Мѣлецкаго Духовнаго Училища.
Въ Мѣлцкомъ училищѣ открылась вакансія Надзирателя за поведеніемъ учениковъ съ жалованьемъ 300 рублей въ годъ при квартирѣ. Съ должностію Надзирателя соединена должность учителя чистописанія съ особымъ вознагражденіемъ 100 р. въ годъ.

Редакторъ П. Буллець.
Дозволено цензурою. Кременецъ. 9 Апрѣля 1874 года.
Печатается въ Типографіи Почаевской Лавры.

ВОЛЫНСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

1 Мая № 9 1874 года.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

Н Б Ч Т О

ВЪ ЗАЩИТУ МОНАСТЫРЕЙ И МОНАШЕСТВА.

(Окончаніе).

III.

Продолжая далѣе защиту Русскихъ Монастырей и всего монашества и знимѣя въ виду газетныя и другіе толки, гласящіяся не въ пользу этихъ церковныхъ учрежденій, а въ настоящемъ отдѣленіи своихъ замѣтокъ мы коснемся тѣхъ обвиненій, которыя возводятъ статьи Русскаго Мира на нашихъ высокочтимыхъ Архипастырей, указывая на ихъ нежеланіе, будто бы изъ корыстныхъ видовъ, преобразования Русскихъ монастырей по началамъ общежительнаго устава, — на Настоятелей монастырей, будто бы своевольно и безъотчетно разпоряжающихся монастырскимъ хозяйствомъ, — на все монашество, будто бы обращающее монастыри въ пристанища праздности, тунеядства, лѣни, невѣжества и прочихъ пороковъ.

Едва ли не главнымъ препятствіемъ, читаемъ мы въ № 297 Русскаго Мира за 1873 годъ, къ осуществленію этой мѣры, т. е. введенія во всѣ Русскіе монастыри общежительнаго устава, является то обстоятельство, что многія лица изъ высшей Иерархіи и всѣ Настоятели ны-

нѣшнихъ Монастырей, при обращеніи ихъ въ общежитія, должны будутъ лишиться значительныхъ доходовъ, простирающихся въ Лаврахъ до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ». И такъ вотъ что побуждаетъ Русскихъ Архипастырей, а за ними и всѣхъ Настоятелей Монастырей, противодѣйствовать введенію въ нихъ общежительнаго устава: опасеніе лишиться доходовъ!— Не высокое же понятіе имѣетъ Авторъ о досточтимыхъ Православнымъ Русскимъ народомъ Іерархахъ и прочихъ лицахъ, составляющихъ у насъ Высшее Духовенство... Но такъ ли это? Мы читаемъ въ той же статьѣ «Русскаго Міра» слѣдующее: «въ послѣднее время высшее Духовное управленіе само пришло къ убѣжденію въ необходимости Монастырской реформы и разослало по всѣмъ монастырямъ *приглашеніе* обратиться въ общежительные»... Какъ же это случилось, спросимъ мы, что высшее Духовное управленіе, которое, какъ извѣстно, составляютъ три Русскихъ Митрополита съ прочими Іерархами, поднявши вопросъ о обращеніи монастырей въ общежительные, предварительно не подумало о томъ, что оно противъ себя же самага поднимаетъ его? Потому что кто же, какъ не первые три лица, входящіе въ составъ высшаго Духовнаго Управленія, будучи въ то же время Настоятелями трехъ Лавръ и слѣдовательно получателями доходовъ, простирающихся до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ, должны были подвергнуться естественному послѣдствію, весьма невыгодному для нихъ, въ случаѣ утвердительнаго рѣшенія поднятаго ими вопроса? Ужели нельзя было имъ отложить до времени, или и навсегда, щекотливый вопросъ о такомъ дѣлѣ, къ осуществленію котораго они же сами должны служить едва ли не главнымъ препятствіемъ?! — Не наше бы дѣло вдаваться въ разсужденіе о такомъ, по видимому, противорѣчивомъ и несообразномъ съ высокимъ значеніемъ сана, образѣ дѣйствій нашихъ Іерарховъ, но голословныя обвиненія, взводимыя пристрастными писателями газетныхъ статей, вынуждаютъ насъ это сдѣлать противъ нашей воли. Не мы одни на примѣръ хорошо знаемъ, какъ

велико было безкорыстіе приснопамятныхъ Архипастырей — Кіевскаго Филарета, Петербургскаго Григорія, Московскаго Филарета, бывшихъ долгое время Настоятелями Лавръ, получателями тысячныхъ Лаврскихъ доходовъ; и не намъ однимъ извѣстна ихъ строго-умѣренная жизнь, при которой, конечно, можно бы было нажить большіе капиталы изъ тѣхъ десятковъ тысячъ, которыя ежегодно получались ими. Однакожъ что оставили эти Святители, переселившись изъ здѣшняго міра, доставлявшаго имъ столь завидныя для многихъ денежныя средства не только къ изобильному существованію, но и къ хорошему запасу, какъ говорится, на черный день? Едва по нѣскольکو сотъ рублей, необходимыхъ для подобающаго ихъ Святительскому сану погребенія!.. Будь они хотя не много менѣе безкорыстны, иное бы было дѣло. И конечно, при такомъ совершеннѣйшемъ христіанскомъ качествѣ, какою является нестяжательность упомянутыхъ нами Архипастырей, имъ всего бы легче было поднять вопросъ о преобразованіи Русскихъ Монастырей по уставу общежитія, если бы введеніе этаго устава было единственно — вѣрнымъ средствомъ къ улучшенію жизни монашеской, какимъ оно представляется въ нынѣшнихъ газетныхъ статьяхъ; имъ бы всего легче было отказаться отъ доставляемыхъ Лаврами нѣсколькихъ тысячъ дохода, когда они и при полученіи такихъ огромныхъ суммъ были и жили, подобно Святымъ Апостоламъ, *яко ничтоже имуще*. И однакоже при участіи въ управленіи Русскою Церковію этихъ приснопамятныхъ Святителей даже и не возникалъ вопросъ о монастырскомъ общежитіи... Или, можетъ быть, въ ихъ время монашеская жизнь была лучше и Монастыри стояли выше въ нравственномъ отношеніи: но вѣдь время этихъ Іерарховъ не очень давнее и въ такой короткій промежутокъ не могло же Русское монашество съ такою быстротою спуститься на ту низкую ступень, на какой оно изображается въ газетныхъ статьяхъ. По нашему мнѣнію, и нынѣшніе Настоятели Святыхъ Лавръ, подобно упомянутыхъ нами ихъ предшественникамъ — Святителямъ, имѣя

такіе же взгляды на получаемые ими доходы и на всякое мірское богатство, слишкомъ далеки отъ взводимаго на нихъ обвиненія въ нежеланіи ими обращенія Монастырей въ общежительные изъ за какихъ либо своекорыстныхъ видовъ; по нашему взгляду, это представляется даже нравственно—невозможнымъ. А потому, если и были со стороны Русскихъ Архипастырей какія либо возраженія противъ введенія во все Монастыри общежитія, то эти возраженія въ основаніи своемъ, безъ сомнѣнія, имѣли соображенія, вполне достойныя уваженія.—Что касается всехъ Настоятелей Русскихъ Монастырей, будто бы несочувствующихъ введенію въ Монастыри общежительнаго устава изъ затѣхъ же корыстныхъ видовъ, то позволительно спросить автора: откуда это ему извѣстно? Сколько мы знаемъ, въ Монастыри вовсе не поступало отъ высшаго Духовнаго управленія приглашеніе обратиться въ общежительные; да нужно сказать, что и не могло быть приглашенія тамъ, гдѣ должно дѣйствовать Начальственное предписаніе. Намъ извѣстно только, что Епархіальными Преосвященными (не знаемъ—всеми-ли) были требуемы отъ Настоятелей Монастырей свѣдѣнія или предположенія о томъ, какимъ бы способомъ можно было ввести въ Монастыри общежительный уставъ, и намъ самимъ случилось принять не малое участіе въ одномъ изъ отзывовъ отъ лица Настоятелей Р—скихъ Монастырей Я—ской Епархіи: отзывъ этотъ былъ сочувственный къ вопросу о введеніи въ монастыри общежительнаго устава и къ нему былъ приложенъ даже подробный проектъ преобразованія Монастырей сообразно требованіямъ общежитія.—Для чего же, спрашивается, такъ беззастѣливо взводить поголовно на всехъ Настоятелей нареканіе въ ихъ будтобы несочувствіи къ общежитію, а Іерарховъ Русской Церкви обвинять въ главномъ будтобы препятствованіи къ введенію его въ Монастыри,—и притомъ не изъ за чего инаго, какъ изъ опасенія лишиться доходовъ?! Вѣдь за это, еслибы Русскій Міръ напалъ такъ на учрежденія или лица другаго Вѣдомства, то можетъ быть, его редактору

пришлось бы держать отвѣтъ предъ Мировымъ Судьею и поплатиться чѣмъ нибудь за *диффамация* *оутолок* и *лтъ*. При этомъ преобразованіи (при введеніи, то есть, общежительнаго устава), пишется въ № 298 Русскаго Міра, прежде всего и потребуетъ составить *опись имущества*, принадлежащихъ Монастырямъ. Тутъ только можно будетъ увидѣть, какими богатствами они *успѣли застись* со временъ Екатерины II. Въ нѣкоторыхъ Монастыряхъ можно будетъ найти, *если только заблаговременно принять надлежащія мѣры*, такія сокровища, о которыхъ мы теперь предполагать не можемъ. Монастырское хозяйство, какъ извѣстно, не подлежитъ ничьему контролю, кромѣ развѣ контроля самой братіи. Но и та большая часть не знаетъ, что у ней есть. Знаютъ же это только Настоятели и Экономы, которые ведутъ Монастырское хозяйство; какъ *Богъ на душу положитъ*. — Читая это, подумаешь, какой просторъ для Настоятелей и Экономовъ распоряжаться Монастырскимъ хозяйствомъ! Никакого контроля, — такъ Богъ на душу положитъ, такъ и дѣлай, — никто не знаетъ, что есть, ни даже сама братія, — нѣтъ описей имущества, а сокровищъ бездна, — только и опасайся, такъ бы, по указанію передовой статьи Русскаго Міра, не были заблаговременно приняты надлежащія мѣры, — тогда, пожалуй, не одобровать тѣмъ богатствамъ, которыми Монастыри успѣли застись. Какое же спрашивается, понятіе о Монастыряхъ вообще, объ ихъ Настоятеляхъ и всей ихъ братіи можно составить, на основаніи вышеприведенныхъ выраженій? Какое можно вывести изъ нихъ заключеніе вообще о Монастырскомъ управленіи и существующихъ въ Монастыряхъ порядкахъ? — Не очевидно ли, что при безконтрольномъ владѣніи Монастырскими сокровищами Настоятели монастырей могутъ безбоязненно и безнаказанно допускать всякія злоупотребленія и расточать, какъ угодно, Монастырское имущество; при немѣнн описей могутъ на прим. распродать и жемчугъ, измѣряемый въ нашихъ Лаврахъ чуть ли не четвериками, и однакоже, по словамъ самаго же Русскаго

Мира доселѣ въ нихъ хранимый, (№ 298) и серебрянную и золотую церковную утварь перелить въ простые слитки, и всякій мертвый капиталъ обратить въ живой и отослать его хоть въ одинъ изъ заграничныхъ банковъ... Въдѣ все это не только возможно при безконтрольности и беспорядочности управления, но и легко. Что же это ни одинъ изъ Настоятелей и Экономовъ (*) Монастырскихъ до сихъ поръ такъ не поступилъ?! Но въ томъ-то и дѣло, что этаго сдѣлать нельзя, если бы я нашелся среди нихъ подобный сребролюбецъ; потому что только въ воображеніи автора статьи Русскаго Мира нѣтъ ни описей, ни контроля и ничего прочаго, а на дѣлѣ-то совсѣмъ не то. *Въ каждомъ Монастырѣ—большомъ и маломъ существуетъ опись всему Монастырскому имуществу, движимому и недвижимому, по которой каждый Настоятель принимаетъ и сдаетъ Монастырь; въ Лаврахъ есть такъ называемыя Духовныя Соборы, устроенныя на подобіе присутственныхъ мѣстъ, имѣющіе опредѣленные собранія и завѣдующіе Лаврскою братією и всемъ имуществомъ на общихъ основаніяхъ, какъ и другія присутственныя мѣста; въ Монастыряхъ ведутся приходорасходныя книги; въ употребленіи штатной суммы Монастыри даютъ отчетъ мѣстной Контрольной Палатѣ; за надлежащимъ употребленіемъ суммъ нештатныхъ слѣдитъ мѣстная Д. Консисторія, повѣряющая Монастырскія книги чрезъ членовъ особой Ревизіонной Комиссіи; за правильностію поступленія доходовъ и вѣрностію расходовъ обязанъ Инструкціею наблюдать Благочинный Монастырей, обыкновенно разъ или два раза въ годъ посѣщающій каждый Монастырь и доносящій Епархіальному Начальству о томъ, въ какомъ положеніи найденъ имъ тотъ или другой*

(*) Нужно замѣтить, что должность экономовъ существуетъ только въ Лаврахъ; въ прочихъ же Монастыряхъ есть только Казначей, а въ иныхъ изъ нештатныхъ Монастырей нѣтъ и Казначеевъ, а распоряжается всеѣмъ Настоятель съ старшею братією.

Монастырь и по отношенію къ хозяйству. За тѣмъ и *самъ Епархіальный Архіерей* разными путями имѣеть полную возможность узнать о томъ, какъ въ томъ или другомъ Монастырѣ ведется дѣло. Наконецъ и Монастырскихъ Настоятелей нельзя же всѣхъ представлять съ сожженною совѣстію, способныхъ только на грабежъ ввѣренныхъ ихъ управленію обителѣй... А что все сказанное нами правда, не служатъ ли тому доказательствомъ сдѣланныя нами выше выписки о доходахъ и расходахъ одного изъ Монастырей Волынскихъ, въ приходорасходныхъ книгахъ котораго можно видѣть за два прошлые года не только всякое поступленіе суммъ, но и каждый великій или малый ихъ расходъ, начиная отъ сторублеваго до пятикопѣчнаго. Изъ этихъ выписокъ не видно ли то, съ какою аккуратностію съ одной стороны велось расходованіе Монастырскихъ суммъ, а съ другой—какъ легко можно во всякое время сдѣлать повѣрку и произвести учётъ въ расходованіи Монастырскихъ суммъ. Кромѣ того, въ томъ Монастырѣ есть также и описи всякаго имущества, планы его земель, чертежи зданій и т. под. И не только все это не скрыто отъ Начальства или отъ своей же братіи, но не составляетъ тайны и для лицъ постороннихъ и подробно изложено въ *исторической запискѣ о Дерманскомъ Монастырѣ*, помѣщенной въ Волынскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ за 1873 г. № 8 и 9; такъ что, въ случаѣ какого либо преобразованія этаго Монастыря, нѣтъ никакой нужды прибѣгать къ такъ удачно придуманному Русскимъ Міромъ полицейскому средству для огражденія Монастырскихъ сокровищъ отъ расхищенія.—А между тѣмъ иной читатель Русскаго Міра не въ правѣ ли подумать, что и нормальный-то порядокъ управленія Русскими Монастырями, въ рукахъ Настоятелей, да Экономовъ, состоящихъ внѣ всякаго контроля, ничѣмъ не отличается отъ того, что отъ всѣхъ честныхъ людей клеймится позоромъ, какъ злоупотребленіе и преступленіе. Развѣ еще то одно можетъ удержать отъ подобнаго заключенія человѣка, который не привыкъ безу-

стоянія Русскихъ монастырей по отношенію къ умственному образованію и развитію; картина начерчена, какъ всякій видитъ, не очень привлекательная, а мы прибавимъ: не очень-то и вѣрная.

Исторія говоритъ намъ, что на Западѣ Монастыри, дѣйствительно, оказали большія услуги наукѣ и вообще образованности: но когда—въ какое время? Въ такъ называемые средніе вѣка, въ вѣка всеобщаго невѣжества, въ вѣка, можно сказать, варварства, хотя и прикрывавшагося благороднымъ рыцарствомъ. Не мудрено, что въ такое бурное и безпокойное время наука нашла себѣ единственный пріютъ въ уединенной кельѣ монаха. Но и у насъ на Руси, отъ самаго ея начала до Петра великаго, при низкомъ уровнѣ вообще просвѣщенія, когда и окружавшіе Престоль Русскихъ Князей и Царей бояре едва умѣли подписаться подъ какую либо грамотою, а иные изъ нихъ не умѣли и того сдѣлать, не въ Иноческихъ ли Обителяхъ пріютился свѣтъ науки въ тогдашнемъ ея состояніи? Не въ келльяхъ ли Монашескихъ, какъ говоритъ и самъ Авторъ, писались лѣтописи, переводились съ Греческаго языка различныя сочиненія, составлялись церковныя проповѣди и похвальные слова и т. под., тогда какъ и лучшіе грамотники изъ мірянъ едва разбирали по складамъ разные *воронограм* и другія такъ называемыя *отрѣшенные* книги? Не Монахамъ ли обязаны мы тѣмъ, что знаемъ о началѣ и судьбѣ своего отечества, не говоря уже о сохраненіи въ чистотѣ Православной Вѣры и ея распространеніи? Не такова ли же заслуга и Русскихъ обителей, какую Авторъ усвоетъ монастырямъ на западѣ?—Все это извѣстно каждому, кто знакомъ съ Исторіей Русской Церкви, прочиталъ хотя краткую Исторію Русской Литтературы и хотя бѣгло ознакомился съ состояніемъ и развитіемъ вообще науки на Западѣ Европы въ различные ея періоды. За тѣмъ и послѣ реформы Петра, при Его преемникахъ, особенно, начиная съ Екатерины II, до настоящаго времени, являлись и являются на поприщѣ учености и лица монашес-

вующіе, и притомъ въ такомъ количествѣ, что едва ли достанетъ у Автора разбираемой нами статьи пальцевъ для ихъ изчисленія. Вѣдь и въ другихъ сословіяхъ, въ коихъ вообще образованность стоитъ на болѣе высокой ступени, сравнительно съ Духовенствомъ и низшими классами, истинно ученыхъ мужей не особенно же много и можетъ быть, ихъ пропорція въ отношеніи къ 70 милліонамъ Русскихъ такова же, какова пропорція ученыхъ монаховъ къ общему итогу Русскаго монашества. Но если обратить вниманіе не на тѣ личности, которыя выдаются изъ ряду другихъ своею ученостію, а на всѣхъ вообще монастырскихъ жителей, то окажется, что по отношенію напр. къ сословію купеческому или мѣщанскому—въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, а тѣмъ болѣе къ крестьянству—въ селахъ, сравнительный уровень образованности между монахами и вообще жителями монастырей выше, чѣмъ въ поименованныхъ сословіяхъ, и особенно въ послѣднемъ. Въ монастыряхъ, какъ это поневолѣ допускаетъ и передовая статья Русскаго Міра, всѣ умѣютъ хоть читать и пѣть: то ли въ большинствѣ купечества и мѣщанства, и особенно въ крестьянствѣ? Монастыри хотя и наполнены, по словамъ автора означенной статьи, людьми, «не учившимися никакимъ наукамъ и въ привольной монастырской жизни разучивающимися даже подписать свое имя», а въ міру, спросимъ мы автора, среди указанныхъ сословій много ли процвѣтаетъ наукъ, а въ крестьянствѣ не потому ли только не разучиваются, что ничему не учились?—Все это для безпристрастнаго взгляда ясно и только желающіе такъ или иначе затемнить истинное положеніе дѣла могутъ изображать его не такъ, какъ оно есть, рассчитывая, можетъ быть, на то, что не станутъ же вдумываться въ ихъ слова и тѣмъ болѣе повѣрять пущенное въ ходъ нареканіе на Русское монашество...

Съ другой стороны и то еще нужно сказать: ужъ если заявлять свою ревность о возвышеніи монастырской жизни и побуждать «энергичнѣе» приняться за реформу

монастырей», то прежде всего слѣдовало бы самимъ ревнителямъ установить твердый взглядъ на то, чего требовать отъ монастырскихъ жителей—разработки ли науки, занятія ли въ Библіотекахъ и архивахъ, обращенія ли монастырей въ разсадники разныхъ наукъ, въ средоточія образованности, (Русск. Міръ № 268.) или же полного отреченія отъ міра, подвижничества, отшельничества, прерванія всякихъ связей съ людьми мірскими и т. под. (тамъ же № 267.) Но Авторъ, въ одной и той же статьѣ требующій отъ монастырскихъ жителей того и другаго, какъ видно, не подумалъ напередъ о томъ, совмѣстимы ли заявленныя имъ требованія, могутъ ли они быть выполнены одними и тѣми же лицами, возможно ли науку съ ея требованіями и со всею ея обстановкою—не кабинетною только, но и общественною, засадить въ монастыри и согласить съ условіями истинной монашеской жизни со всею ея строгостію, съ полною отрѣшенностію ея отъ всего земнаго и мірскаго? Согласились бы мы съ Авторомъ, еслибы онъ фактически доказалъ намъ, что жизнь въ западныхъ монастыряхъ, на которые указываетъ передовая его статья, какъ на образецъ для Русскихъ монастырей въ отношеніи умственнаго развитія и движенія науки, соотвѣтствовала при этомъ вполнѣ и тѣмъ уставамъ, которые лежали въ основаніи монашескихъ общинъ на западѣ. А доколѣ это остается еще недоказаннымъ, не мѣшало бы инымъ писателямъ передовыхъ статей позаботиться сначала объ установкѣ правильного взгляда на монастырскую жизнь и на ея условія, которыя имъ мало извѣстны и притомъ со стороны только внѣшней, и затѣмъ уже заявлять свои требованія: тогда ихъ статьи не страдали бы шаткостію положеній, не зрѣлостію выраженныхъ въ нихъ сужденій, неправою выведенныхъ изъ нихъ заключеній.

Что и въ Русскихъ монастыряхъ, при всемъ томъ, что они наполняются будтобы «людьми безграмотными, изъ низшихъ слоевъ общества, изъ простаго народа, никогда неучившимися никакимъ наукамъ, съ трудомъ умѣ-

ющими подписать свое имя, или же исключенными из низшихъ духовныхъ школъ, въ привольной монастырской жизни разучившимся даже писать (№ 298),—не господствуетъ повальное, такъ сказать, невѣжество, тому хотя не великимъ доказательствомъ можетъ служить тотъ же Дерманскій Монастырь, на который мы и прежде указывали, за истекшіе два года въ немъ напр. выписывались, кромѣ обязательныхъ *Епархіальныхъ Вѣдомостей*, еще два журнала; *Страникъ* и *Душеполезное чтеніе* и одна газета—*Современныя Извѣстія*. Безъ сомнѣнія, эти журналы и газеты получались въ Монастырѣ не для того, чтобы лежать гдѣ нибудь на полкахъ, а вѣроятно находили себѣ читателей. Не свидѣтельствуетъ ли этотъ фактъ о томъ, что въ братствѣ этаго монастыря были люди болѣе чѣмъ грамотные только, что монастырь этотъ не былъ пристанищемъ невѣжества, какъ думаетъ о томъ Авторъ, или самъ мало знакомый съ монастырскимъ вообще бытомъ, или своими превратными сужденіями желающій ввести въ обманъ своихъ читателей.—А что и исключенные изъ низшихъ духовныхъ училищъ монастырскіе послушники, пользуясь воображаемой привольной жизнью въ монастыряхъ, *не разучиваются даже писать*, это между прочимъ видно изъ того, что вся письменность по упомянутому монастырю за оба года велась не инымъ чѣмъ, какъ послушниками же его—Соб. и Ск., а одинъ изъ нихъ Г., по выходѣ изъ монастыря, не затруднился даже найти себѣ мѣсто помощника учителя—Священника въ сельскомъ училищѣ.—Не говоритъ ли это противъ тѣхъ, которые въ своихъ статьяхъ обвиняютъ монастырскихъ жителей въ поголовномъ невѣжествѣ? Вѣдь не особенное же исключеніе изъ Русскихъ монастырей представляетъ собою Монастырь Дерманскій... Но еслибы даже «все просвѣщеніе массы нашего монашества состояло только въ умѣнѣ болѣе или менѣе бойко читать церковно-славянскія книги, хотя бы то и безъ пониманія ихъ смысла (—не удобъ разумнаю, прибавимъ, и для многихъ людей, просвѣщенныхъ даже наукою, но не по-

лучившихъ достаточнаго Богословскаго образованія!) и въ умѣнь пѣть на клиросѣ (298.),—то и при этомъ не только не слѣдуетъ дѣлать на монастырскихъ жителей нареканіе въ невѣжество, а напротивъ нужно ихъ за то похвалить, такъ какъ это ихъ прямая обязанность, и если они достигаютъ означеннаго умѣнья, то значить соотвѣтствуютъ своему званію и назначенію. Худо бы было, если бы вмѣсто Церковно-Богослужебныхъ книгъ они умѣли разбирать «разные рефлексы мозга», или заниматься «подборомъ естественныхъ отношеній», или изучать «борьбу за существованіе» и тому подобную премудрость.—

Кромѣ невѣжества, обвиняются жители Русскихъ монастырей *въ праздности и тунеядствѣ*. Такъ ли это? Справедливо ли обвиненіе?—Мы не будемъ говорить о томъ, что отъ поступившаго въ монашество требуется не только присутствіе за церковными службами, но и дѣятельное участіе въ нихъ, не простое стояніе въ храмѣ, но и молитвенное при этомъ возбужденіе духа. Кто испыталъ на себѣ, каково исполнять такія требованія, тотъ знаетъ хорошо, что это трудъ весьма и весьма не легкій,—такой трудъ, который не дается, такъ сказать, самъ собою, но вводитъ человѣка въ напряженную духовную борьбу, возникающую притомъ не тогда только, когда человѣкъ находится въ храмѣ, но начинающуюся и продолжающуюся и въ самой кельѣ и никогда не заканчивающуюся. А кто намъ поручится за то, что большинство монаховъ чуждо такой борьбы и что по любви къ праздности и лѣни всемѣрно старается избѣгать ея?.. Пока авторъ на это не приведетъ твердыхъ доказательствъ (—не исключеній изъ правила), намъ позволительно ему не вѣрить. Но допустимъ, что вся жизнь монастырскихъ жителей, вся ихъ служба проходитъ только въ механическомъ исполненіи ими своихъ обязанностей: пусть они и въ храмѣ стоятъ безъ вниманія къ тому, что въ немъ дѣлается, пусть и поютъ и читаютъ безъ пониманія смысла, пусть и поклоны быють безъ душевнаго расположе-

ния,—ужели, по мнѣнію автора, весь этотъ механизмъ, ежедневно и однообразно повторяемый, не можетъ утрудить человѣка? Мы даже готовы думать, что онъ тѣмъ больше утрудитъ его, потому именно, что онъ душой въ немъ не принимаетъ участія. Предлагаемъ кому либо изъ обличителей Монастырскихъ жителей въ праздности сдѣлать надъ собою опытъ: провести въ Монастырѣ хотя одну недѣлю времени, но съ неуклоннымъ соблюденіемъ всѣхъ Монастырскихъ требованій: пусть часа въ четыре утра встаетъ онъ къ утрени, продолжающейся не меньше двухъ или даже трехъ часовъ, пусть стоитъ потомъ Литургію—тоже два часа, за тѣмъ Вечерню—не меньше часа, послѣ нея пусть выслушаетъ Правило, продолжающееся часъ или полтора: и тогда мы спросимъ его, не усталъ ли онъ отъ той праздности, въ которой обличалъ монаховъ? Пусть онъ за каждою службой положитъ определенное число поклоновъ—поясныхъ и земныхъ; пусть выполнить всѣ наружные приемы Иноческаго чиноположенія, начиная съ земныхъ поклоновъ Настоятелю и проч.: пусть еще соблюдетъ въ точности и трапезное правило, которое требуетъ въ иные дни пищи не только безъ рыбы, но и безъ масла, а иногда предлагаетъ и одно сухояденіе; и пусть все это—говоримъ—испытаетъ на себѣ не день или два, а цѣлую недѣлю: посмотримъ, скажетъ ли онъ намъ тогда, что монахи туне ѣдятъ хлѣбъ, и что Монастырь есть пристанище лѣни. А еще—еслибы возложить на него исполненіе котораго либо изъ такъ называемыхъ послушаній—звонаря, пономаря, будильника, келаря, казначея: что бы онъ тогда сказалъ? Вѣдь само дѣло не сдѣлается и нельзя быть въ праздности тому, на кого возложены какія бы то ни было обязанности. Вотъ для примѣра возьмемъ первое изъ указанныхъ нами послушаній Монастырскихъ, какъ такое, которое не требуетъ отъ исполнителя особыхъ душевныхъ качествъ и расположеній, а между тѣмъ сопряженный съ нимъ трудъ можетъ быть очевиденъ для всякаго,—*послушаніе звонаря*. Ужели, спросимъ мы cadaго, не составляетъ труда для

человѣка—вставать ежедневно раньше всѣхъ и дѣлать утреннюю прогулку отъ своей кельи къ Монастырской колокольнѣ,—одинаково въ какое угодно время, а въ зимнюю пору частенько протаптывать себѣ и другимъ въ глубоко выпавшемъ за ночь снѣгу узкую тропинку ко храму Божию? Ужели нѣтъ труда въ томъ, чтобы взбираться на колокольню въ ночное время, на вышину, можетъ быть, десятка сажень, какъ напр. въ томъ же Дерманскомъ Монастырѣ, имѣющемъ колокольню въ 16 сажень вышины, и притомъ не однажды въ день это дѣлать, но повторять свое восхождение неоднократно—для втораго, а потомъ для третьяго звона на утрени, для звона къ ранней обѣднѣ и потомъ къ поздней, да и еще разъ—къ Достойно, а затѣмъ и еще къ вечернѣ? И это—замѣтимъ—для звонаря ежедневный трудъ, зимой и лѣтомъ, днемъ и ночью, въ дождь и вѣтеръ, во всякую погоду: а какое ему за то вознагражденіе? Штатнаго жалованья въ годъ 25 рублей, да монастырскаго дохода около тойже цифры.—Сравнить бы этотъ трудъ, соединенный съ такимъ незавиднымъ годичнымъ вознагражденіемъ, съ чѣмъ либо другимъ, хоть бы напр. съ кабинетнымъ занятіемъ, въ родѣ писанія передовой статьи, подобной особенно такъ часто указываемой нами, и съ получаемыхъ за нее щедрымъ вознагражденіемъ, да и рѣшить безпристрастно: на чьей сторонѣ больше труда и меньше выгоды,—на сторонѣ ли Монастырскаго звонаря, подвергающагося всѣмъ не взодамъ и непогодамъ, или на сторонѣ спокойно въ теплой комнатѣ, со всѣми удобствами, пишущаго передовую статью, которую—замѣтимъ—составить человѣку, порядочно владѣющему перомъ, ничего почти не стоитъ, особенно же въ томъ случаѣ, когда онъ и не думаетъ о томъ, чтобы предварительно изучить предметъ ея, собрать о немъ вѣрныя свѣдѣнія и добросовѣстно потомъ передать сущность дѣла своимъ читателямъ? Не мѣшаетъ къ этому еще прибавить и то, что трудъ звонаря хоть сопровождается всегда добрымъ послѣдствіемъ: на его зовъ братія соберутся къ церков-

ной службѣ, богомольцы—міряне придуть въ храмъ Божій, а если кто и не придетъ, то услышавъ звонъ, дома перекрестится; а трудъ иного писателя передовыхъ статей, хотя и щедро вознаграждаемыхъ, но наполненныхъ несправедливыми сужденіями и выводами, въ которыхъ больше громкихъ и обманчивыхъ фразъ, чѣмъ настоящаго дѣла, что иное, какъ не настоящій безплодный, хотя, безпорно, выгодный пустозвонъ? И—хорошо еще, если только безплодный... Не говоримъ уже о службахъ собственно церковныхъ, совершаемыхъ въ монастыряхъ ежедневно, такъ называемыми и чередными, Иеромонахами и Иеродіаконами, которыя отъ ихъ совершителей требуютъ, кромѣ всегдашней чистоты—душевной и гѣлесной, особенной еще духовной настроенности и нарочитаго приготовления чрезъ исполненіе на каждый день службы особаго правила,—что, не безъ увѣренности можно утверждать, большинству людей свѣтскихъ остается совершенно неизвѣстнымъ.—Если такимъ образомъ всѣ эти данныя, опредѣляющія бытъ Монастырскихъ жителей, сложить вмѣстѣ, то не выйдетъ ли, что монашеская жизнь даже и при внѣшнемъ механическомъ только исполненіи Монастырскаго устава не много оставляетъ времени для того, чтобы беззаботно предаваться праздности, лѣни, тупеядству и другимъ порокамъ, которыхъ будто бы пристанищами, по увѣренію автора, служатъ Русскіе Монастыри.

Что касается до прочихъ пороковъ, не указываемыхъ авторомъ статьи Русскаго Міра, въ коихъ онъ обвиняетъ монашествующихъ, то и мы о нихъ не будемъ говорить здѣсь подробно. Напомнимъ только обвинителямъ одинъ изъ случаевъ, описанныхъ въ Святомъ Евангеліи, при которомъ Господь, Праведный Судья, сказалъ: *кто изъ васъ безъ грѣха, первый брось камень...* (Іоан. 8, 7). Слова Спасителя нашего какъ тогда относились не къ одному кому либо, такъ и въ наше время относятся къ цѣлому обществу, охотно, можетъ быть, замѣчающему *сучецъ во очесѣ брата своего...*

Наконецъ при внимательномъ чтеніи большей части газетныхъ статей, въ коихъ идетъ рѣчь о томъ или другомъ предметѣ, касающемся Церкви или Ея учреждений, невольно обращается вниманіе на вѣншее изложеніе ихъ *содержанія*. Сколько въ подобныхъ статьяхъ встрѣчается не точныхъ и даже невѣрныхъ выраженій, сколько допускается неосновательныхъ и противорѣчивыхъ сужденій, сколько дѣлается несправедливыхъ выводовъ! Такъ и видно, что едва ли не большей части писателей, о такъ называемыхъ Духовныхъ предметахъ они очень мало извѣстны и — то повнаслышкѣ, что ими составлены или — скорѣе заимствованы въ большинствѣ случаевъ лишь поверхностные взгляды на излагаемое ими дѣло, что наконецъ они очень не свободны отъ пристрастія въ своихъ заключеніяхъ и всюду готовы видѣть только худую сторону, о всемъ добромъ большей частью умалчивая. Все это читатель нашихъ замѣтокъ много уже отчасти видѣть и изъ предыдущаго, но въ виду того, что невѣрно, неточно или пристрастно изложенное въ подобнаго сорта статьяхъ многими можетъ быть принимаемо за истину, безъ всякой повѣрки, то мы разберемъ нѣкоторыя частности, особенно обращающія на себя вниманіе въ такъ часто упоминаемой нами передовой статьѣ Русскаго Мира, по вопросу о Монастырской реформѣ.

Такъ въ первой половинѣ этой статьи, помѣщенной въ № 297 вышеозначенной газеты, мы читаемъ: «вслѣдствіе этихъ (т. е. указанныхъ авторомъ статьи) началъ Монастырскаго устава всякій вступающій въ Монастырь торжественно, среди Церкви, давалъ сообразные съ ними обѣты — нищенства, смиренія, послушанія и проч. Нищенства ли, спросимъ мы Автора, — не нищеты ли? Это иное дѣло; ибо не одно и тоже — нищенство и нищета. Первое приравнивается попрошайничеству, бродячеству ради куска хлѣба, желанію жить на чужой счетъ, часто неприличному и даже нахальному, а иногда прикрываемому какимъ либо

благовиднымъ предлогомъ, имѣющему въ основѣ своей дѣйствительную или мнимую бѣдность; вторая же, т. е. та нищета, перенести которую Инокъ даетъ обѣщаніе при своемъ постриженіи, есть произвольная, нестяжательность, есть всегдашняя готовность и при средствахъ къ жизни подвергнуться всѣмъ матеріальнымъ лишеніямъ ради высшей цѣли, есть полная сердечная рѣшимость оставить все и при случаѣ ничѣмъ не пользоваться, хотя бы богатство текло рѣкою. — *Все мнѣ позволительно, говоритъ Апостоль Павелъ, но не все полезно; все мнѣ позволительно, но ничто не должно обладать мною.* (1 Кор. 6, 12). Такимъ Апостольскимъ взглядомъ на мірскія блага руководились при составленіи Монастырскаго устава первые основатели Монашескихъ Обителей! Къ такого-то рода нищетѣ и доннынѣ обязываетъ Иноческій уставъ каждаго постриженника обители, а не къ хожденію изъ дома въ домъ, не къ выпрашиванію себѣ именемъ Христовымъ, подаванія отъ каждаго встрѣчнаго, *не къ нищенству*, какъ думаетъ авторъ. Устранивъ превратное его понятіе объ Иноческомъ обѣтѣ нищеты легко можно объяснить себѣ и то, почему великіе подвижники и аскеты, представители истиннаго Монашества, при полнѣйшемъ самоотверженіи и отрѣшенности отъ всего мірскаго, не отвергали однакожъ разныхъ приношеній въ пользу Святыхъ обителей отъ доброхотныхъ дателей, хотя съ другой стороны не считали себя обязанными и запрещали другимъ *нищенствовать*, подобно какимъ нибудь восточнымъ дервишамъ или тѣмъ не малочисленнымъ въ обществѣ нашемъ личностямъ, которые, представляя разные аттестаты о себѣ и воззванія къ благотворителямъ, безцеремонно протягиваютъ руку для даровой наживы отъ ближняго. — Автору, взявшемуся толковать о Монашествѣ, слѣдовало бы напередъ узнать, что оно такое, въ чемъ состоитъ и чего требуетъ отъ своихъ послѣдователей: тогда онъ не впалъ бы въ ошибки, насчитывая множество (до шести) Монашескихъ обѣтовъ, тогда какъ ихъ только три, и не

проговаривался бы такъ грубо, сочиняя свои обѣты для монаховъ.

Далѣе Авторъ продолжаетъ: «обѣты эти (въ томъ числѣ и имъ придуманный—обѣтъ нищенства) *сопровождались клятвами* вновь поступающаго въ Монашество. За малѣйшее уклоненіе отъ принятыхъ на себя обѣтовъ (даже и выдуманнаго самимъ авторомъ) монахъ торжественно *предивалъ себя всевозможнымъ карамъ не только въ сей жизни, но и въ будущей.* Этотъ обрядъ посвященія въ Монашество остается въ томъ же видѣ и до настоящаго времени. *Любопытные могутъ сами въ этомъ удостовѣриться.* О, еслибы прежде всѣхъ самъ авторъ попалъ въ число такихъ любопытныхъ! Можетъ быть, прочитавши Чинъ постриженія въ Монашество, не написалъ бы онъ этихъ строкъ, полныхъ неправды, постыдился бы печатно признавать существующимъ то, чего совсѣмъ нѣтъ въ этомъ чинѣ, а теперь—пусть извинитъ онъ—къ нему очень идетъ поговорка: лжетъ, и—не краснѣетъ. Постригаемый во первыхъ *не даетъ клятвъ* при постриженіи; онъ произноситъ только на каждый вопросъ постригающаго: *ей, Богу содѣйствующу, честный отецъ,* т. е. да, буду исполнять то или другое при содѣйствіи мнѣ Бога, съ Его помощію. Клятва ли это? Не даютъ ли самыя слова основаніе понимать ихъ, какъ простое обѣщаніе постригаемаго, произносимое имъ въ слухъ всѣхъ присутствующихъ? Автора, должно быть, соблазнило невѣрно дошедшее до его слуха слово: *ей—Богу,* такъ часто произносимое желающими утвердить истинность чего нибудь и обыкновенно понимаемое, какъ клятва въ удостовѣреніе непреложности чего либо. Но это то, и служить очевиднымъ свидѣтельствомъ того, что онъ не полюбопытствовалъ удостовѣриться въ томъ, правду ли онъ написалъ. Посмотрѣвши въ Чинъ постриженія, онъ увидалъ бы, что между словомъ: *ей* и словомъ: *Богу*—стоитъ запятая, которая указала бы ему, какъ вѣроятно знающему правила знакопрепинанія, что эти два слова нельзя понимать въ смыслѣ той формы клятвы, какая

обычна между многими изъ Христіанъ, хотя и запрещается Евангелиемъ, что это есть не болѣе, какъ то утвердительное слово, которое произносить указалъ намъ Самъ Спаситель, заповѣдуя: *не клятися всяко! буди же слово ваше: ей, ей; ни, ни* (Матѣ. 5, 34. 37!). Какъ жаль, что авторъ не воспользовался удобнымъ случаемъ — собственнымъ опытомъ убѣдиться въ томъ, какъ полезно знаніе грамматики даже и для передовыхъ людей, къ числу которыхъ, конечно, относитъ себя и онъ, на ряду съ прочими публицистами! . . . Постригаемый во вторыхъ *не предастъ себя всевозможнымъ карамъ и во сей жизни и во будущей*, какъ утверждаетъ авторъ. Въ Чинѣ постриженія, съ самаго начала его и до конца, нѣтъ ни слова о — карахъ, будто бы призываемыхъ на себя произносящимъ Иноческіе обѣты, въ чемъ и самъ авторъ, свидѣтельствующій объ этомъ, могъ бы легко убѣдиться, прочитавши этотъ чинъ, если только онъ обладаетъ столь низко цѣнимымъ имъ «Монастырскимъ умѣньемъ бойко читать Церковно-славянскія книги» съ находящимися въ нихъ титлами, служащими для многихъ камнемъ преткновенія. Не говоримъ уже о почти общемъ для людей свѣтскихъ, хотя и мало извинительномъ незнаніи Авторомъ духа нашей Православной Церкви, которой совершенно несвойственны выдуманный авторомъ всевозможныя кары не только въ сей жизни, но и въ будущей. Она напротивъ во всемъ чинѣ постриженія выражаетъ сочувствіе къ постригаемому и молитвенно призываетъ на него и на принимаемый имъ на себя подвигъ Божественную помощь. — Къ чему же, спросимъ мы автора, въ печатномъ словѣ завѣдомо проповѣдуетъ онъ ложь и неправду, вводя чрезъ то въ фальшивое положеніе и читателя? Добросовѣстно ли это?! Вѣдь «любопытные» и въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, найдутся и прочитаютъ чинъ постриженія, а затѣмъ обличать Автора въ явномъ подлогѣ и искаженіи истины: Или это, по взгляду просвѣщеннаго Автора, не стоитъ вниманія? А по нашему — ка-

жется, не велика честь быть обличеннымъ во лжи, да еще печатной...

Придумавши свой чинъ или какъ авторъ выражается, обрядъ постриженія, съ «тяжкими обѣтами и странными заклятіями», онъ далѣе утверждаетъ, что «по смыслу Монастырскаго устава, *всѣ связи* Монаха съ обществомъ людей прекращались; онъ отрекался отъ своихъ родителей и дѣтей» и проч. Конечно, если бы всѣ смотрѣли на связи людей между собою такъ, какъ смотритъ авторъ, и подобно ему, признавали бы только единственную, указываемую имъ, связь семейную, въ основаніи которой лежитъ супружество и за тѣмъ взаимныя отношенія родителей и дѣтей, то безъ сомнѣнія, всѣ согласились бы съ нимъ въ томъ, что онъ высказалъ правду,—что дѣйствительно, съ отреченіемъ поступающаго въ Монашество отъ родителей и дѣтей, прекращались всѣ его связи съ людьми. Но какъ всѣмъ извѣстно, что люди не одними только связями семейными соединяются въ обществѣ, то позволительно и усомниться въ справедливости сказаннаго авторомъ. Въ самомъ дѣлѣ, ужели поступающій въ Монастырь прекращалъ всѣ связи съ людьми? Ужели постриженный въ монашество чрезъ то самое переставалъ уже считаться гражданиномъ того Государства, къ которому принадлежалъ до того времени? Ужели всѣ отношенія его, какъ члена извѣстнаго общества, нарушались чрезъ то, что онъ поступилъ, какъ говоритъ Авторъ, «въ новый міръ подвижниковъ, отшельниковъ, монаховъ?» Напротивъ,—не устанавливались ли между нимъ и обществомъ новыя отношенія и иныя связи? Не признаетъ ли это частію и самъ авторъ, утверждающій съ одной стороны совершенное прекращеніе всякихъ связей Инока съ обществомъ, а съ другой въ слѣдъ же за симъ, съ обыкновенною, должно быть, ему непослѣдовательностію, пишущій слѣдующее: «Монастыри являлись свѣтильниками всему міру, освѣщая для него ученіе Христово, а личными духовными подвигами Монаховъ путь къ достиженію нравственнаго совершенства. Міръ приходилъ въ Монастыри

молиться и учиться добродѣтельной жизни.» Вотъ и отношенія Монаха къ обществу, Государству, ко всему міру — по словамъ автора! Но и кромѣ этой, духовной или религіозной связи съ обществомъ не признаетъ ли авторъ, въ противность высказанному имъ за нѣсколько строкъ выше, и другія отношенія Монаховъ къ міру? «Съ теченіемъ времени, говоритъ онъ, въ тяжкія години народныхъ бѣдствій: голодъ, мора, вражескаго нашествія. Монастыри начали являться кормильцами бѣдныхъ, врачами больныхъ и убѣжищами для угнетаемыхъ.» Не доказательство ли это, представляемое самимъ авторомъ, что онъ неправду написалъ, будто по смыслу Монастырскаго устава всѣ связи Иноковъ съ обществомъ людей прекращались?—Но кромѣ того и неподкупная свидѣтельница истины—Исторія Церковная и Гражданская тоже говоритъ не въ пользу автора. Мы напр. знаемъ изъ Исторіи Византійской имперіи, какъ много участія даже въ дѣлахъ Государственныхъ принимали Православныя Обители и какъ велико было вліяніе на общественныхъ дѣятелей, начиная съ самихъ Императоровъ, великихъ Пустынниковъ и Подвижниковъ, являвшихся иногда изъ своихъ Киновій въ Царьградъ въ сопровожденіи множества Монастырскаго братіи. И наша Отечественная Исторія не свидѣтельствуетъ ли о томъ, что Русскіе Великіе Князья и Цари приходили въ Монастыри не для того только, чтобы помолиться предъ Чудотворною Иконою или поклониться нетлѣннымъ останкамъ Угодника Божія, но чтобы вмѣстѣ съ благословеніемъ получить и наставленіе отъ какого либо благочестиваго затворника или прозорливаго старца, что нѣкоторые изъ Русскихъ великихъ подвижниковъ—простыхъ Иноковъ, или много что—Игуменовъ обителей были въ числѣ ближайшихъ совѣтниковъ Князей и Царей и чрезъ то дѣятельными участниками не только въ ихъ жизни домашней и семейной, но и въ Правленіи Государственномъ. Приводить на все это примѣры было бы излишне и не у мѣста. Скажемъ только на основаніи Историческихъ указаній, что связи Монаховъ съ обще-

ствомъ никогда не прерывались совершенно, какъ утверждаетъ односторонне смотрящій на дѣло авторъ, а только видоизмѣнялись съ появленіемъ иныхъ между ними отношеній, въ основаніи коихъ лежало непрерывное *духовное общеніе* и *никогдаже отпадающая христіанская любовь*, обнимающая всѣхъ Членовъ общества, какъ бы ни были они различны между собою по своему общественному положенію.—Какъ же послѣ этаго понимать автора: на одной и тойже страницѣ онъ утверждаетъ, что по смыслу Монастырскаго устава всѣ связи монаховъ съ обществомъ людей прекращались, и вслѣдъ же за симъ утвержденіемъ разъясняетъ, какія именно были отношенія Монастырей и монаховъ къ обществу—міру? Или и самъ онъ этаго не знаетъ?! Или и то и другое ему выгодно было написать для преднамѣренной цѣли?...

А какъ шатка его мысль о Монастыряхъ и монашествѣ, какъ мало выработалъ онъ въ себѣ правильныхъ и точныхъ понятій о предметѣ, съ внутренней стороны совершенно ему неизвѣстномъ, тому доказательствомъ можетъ служить слѣдующій его взглядъ на отношенія Монастырей къ міру: «съ увеличеніемъ жертвъ поступавшихъ въ Монастыри въ знакъ благодарности за благодѣянія,—постепенно у Монастырей завязывались новыя отношенія къ людскому обществу,—отношенія, *ни сколько не противныя идеѣ духовнаго подвижничества, но уже не сообразныя съ идеей Монашества*, отшельничества, и отреченія отъ всего мірскаго.» Пусть авторъ потрудится намъ сказать, что такое—идея духовнаго подвижничества и что такое идея Монашества, какая между ними разность, почему обладаніе большими стяжаніями не противно первой идеѣ и не сообразно со второй... Не самъ ли же авторъ на первыхъ строкахъ своей статьи принимаетъ за одно обѣ эти идеи и Монаховъ—отшельниковъ называетъ въ тоже время аскетами—подвижниками: для чего же теперь эти идеи раздѣляетъ? Теперь выходитъ, по его колеблющемуся взгляду, что монахъ не есть подвижникъ, каковыми, по мнѣнію самаго автора, были, «лю-

ди, совершенно отрекавшіеся отъ міра и удалявшіеся въ необитаемая пустыни и лѣса, проводившіе чисто созерцательную жизнь въ подвигахъ постоянной молитвы и самаго строгаго поста, укрывавшіеся не только отъ взоровъ своихъ ближнихъ, но нерѣдко даже и отъ самаго дневнаго свѣта, въ глубокихъ пещерахъ, созданныхъ природою или устроенныхъ собственными ихъ руками, (см. начало статьи въ № 297.), но что однакожъ такимъ людямъ—аскетамъ приличны, по его мнѣнію, вновь завязавшіяся отношенія къ людскому обществу—т. е. связи по пріобрѣтенію, храненію и употребленію поступавшихъ въ знакъ благодарности за ихъ благодѣянія жертвъ, и для монаховъ, которыхъ—тамъ же въ своей статьѣ,—авторъ иначе называетъ «удиненными отшельниками», т. е. такими же подвижниками, какихъ онъ изобразилъ пятою строками выше, онъ признаетъ уже не сообразнымъ съ идеей ихъ отшельничества и отреченія отъ всего мірскаго имѣть имъ и поддерживать вновь завязавшіяся съ обществомъ связи по жертвуемымъ въ Монастыри имуществамъ. Хорошо ли, спрашиваемъ мы, понимаетъ самъ авторъ, что вышло изъ подъ пера его, или можетъ быть онъ не привыкъ отдавать себѣ отчета въ собственныхъ же произведеніяхъ,—отчего такъ и путается его мысль?—Ужъ если находить въ его путаницѣ какой либо смыслъ, то разбирая ее, не къ иному чему можно притти, какъ къ тому, что мы сказали выше объ иноческомъ обѣтѣ нищеты, строго отличая ее отъ нищенства. При истинномъ пониманіи сущности этаго обѣта, всякому аскету—подвижнику, всякому монаху—отшельнику не противно имѣть и пользоваться мірскими благами въ указанной закономъ границѣ, и потому самые высокіе подвижники—иноки не гнушались тѣмъ добромъ, которымъ мірскіе люди ихъ надѣляли. Но и при богатствѣ они были нищи—своею нестяжательностію, своею отрѣшенностію отъ мірскихъ благъ, своею готовностію тотчасъ же все оставить; и при своихъ отношеніяхъ по имуществу основанныхъ или управляемыхъ ими обителей они чужды были пристрастія

къ богатству, къ усиленному приобрѣтенію его хотя бы честными и законными мѣрами, тѣмъ болѣе къ незаконному имъ пользованію, и не прилагая къ богатству сердца, строго соблюдали данный ими обѣтъ нищеты. Тому же правилу слѣдовали и ихъ постриженники, хотя многимъ изъ нихъ приходилось жить и въ богатыхъ Монастыряхъ. Такимъ образомъ авторъ, безъ достаточныхъ основаній проповѣдая въ своей статьѣ, будто Монастырскій уставъ требуетъ прекращенія всѣхъ связей лица Монашествующаго съ обществомъ, подобно предидущему, чрезъ то самое только вновь обличаетъ въ себѣ незнакомство съ предметомъ своей статьи и шаткость своихъ мыслей о немъ.

За тѣмъ мы спросимъ автора, который утверждаетъ, что въ старину «въ Монастыри стекались болѣе и болѣе посильныя жертвы со всего міра *въ знакъ благодарности за ихъ благодѣянія*», — какъ и чѣмъ объяснить онъ то обстоятельство, что и въ настоящее время, когда, по его понятію, «идея Монашества осталась только въ Монастырскихъ уставахъ, Монашескіе обѣты обратились въ пустой обрядъ, Монастыри потеряли всякое основаніе для дальнѣйшаго своего существованія», — жертвы и притомъ иногда весьма значительныя продолжаютъ однакожь поступать въ Монастыри: ужели общество такъ недальновидно или простой Русскій народъ такъ слѣпъ, что не могли до сего времени увидѣть, что въ нынѣшніе Монастыри не стѣять и жертвовать, что они не приносятъ никакой пользы ни въ какомъ отношеніи, что ихъ не поддерживать, а вести къ уничтоженію слѣдуетъ, и ужели только одинъ авторъ и конечно — съ нимъ единомудрствующіе прозрѣли наконецъ и выяснили себѣ истинный взглядъ на Русскіе Монастыри, достойный современнаго ихъ столь низкаго состоянія? — вѣдь этотъ фактъ, т. е. что въ Монастыри и нынѣ поступаютъ жертвы по прежнему, говоритъ ясно противъ высказанныхъ авторомъ бездоказательныхъ положеній о бесполезности будто бы Монастырей: не приносятся ли эти жертвы и нынѣ благочестивыми христиа-

наши въ знакъ благодарности за то нравственное, духовное добро, которое доставляютъ міру Святыя обители?— Кто же не хочетъ признавать этой пользы отъ Монастырей или не развилъ въ себѣ способности чувствовать нужду въ удовлетвореніи релігіозныхъ потребностей чрезъ одиночную ли то молитву въ Святой обители или чрезъ присутствованіе при общественномъ Богослуженіи, обыкновенно съ большею торжественностію совершаемомъ въ Монастыряхъ, чѣмъ въ приходскихъ храмахъ, тотъ, конечно, не будетъ и дорожить этими учрежденіями Православной Церкви и не только ни копѣйки не пожертвуетъ для ихъ благосостоянія, но постарается, подобно автору разбираемой статьи, тѣмъ или другимъ способомъ пропагандировать мысль о томъ, чтобы отъ нынѣшнихъ Монастырей оставить въ цѣлости только одни стѣны подъ благовидными, безъ сомнѣнія, предлогами, за которыми, разумѣется, цѣло не станетъ. . . . Къ счастью, большинство Русскихъ людей не такъ смотритъ на Монастыри и относится къ нимъ съ уваженіемъ;— за что, конечно, нужно благодарить Бога и здравый смыслъ Русскаго народа и его крѣпко вѣрующее сердце.

«Монастыри наши, по мнѣнію автора, *въ концѣ прошлаго столѣтія* явились владѣльцами болѣе или менѣе богатыхъ имѣній, большею частію пожертвованныхъ на поминъ души, но нерѣдко и купленныхъ на чистыя деньги.»— Удивляться нужно невѣжеству автора или намеренному искаженію имъ истины въ выписанныхъ нами строкахъ изъ его статьи: самая краткая Исторія Русской Церкви, если бы онъ когда нибудь заглянулъ въ нее, сказала бы ему, что съ самыхъ первыхъ временъ Русскаго Государства, *отъ дней Равноапостольнаго Князя Владиміра* Русскіе Монастыри надѣлялись недвижимыми имуществами, а за тѣмъ не только обширными имѣніями, но и весьма немалымъ числомъ даже брестыянъ, такъ что впослѣдствіи времени явилась нужда въ особомъ Монастырскомъ Приказѣ, который всеѣмъ этимъ завѣдывалъ, а до автора какъ то дошелъ слухъ, что будто бы только

съ конца прошлаго столѣтїи наши Монастыри явились владѣльцами имѣній, — и онъ въ простотѣ сердца повѣрилъ такому слуху. . . . Стоитъ ли послѣ сего опровергать написанное имъ по крайнему невѣдѣнію, особенно же когда для этого приходится повторять такіе зады, которые всѣмъ, порядочно учившимся въ школахъ, предполагаются въ большей или меньшей степени извѣстными! . . . Впрочемъ и далѣе въ разбираемой нами статьѣ высказывается тотъ же недостатокъ твердыхъ Историческихъ знаній автора объ устройствѣ Монастырей, который мы уже нѣсколько разъ замѣчали: «въ первые вѣка Христіанства, пишетъ онъ, Монастыри были общежительныя». — Въ первый и второй вѣкѣ Христіанства были ли даже Монастыри въ томъ видѣ, какъ мы ихъ видимъ въ послѣдствіи? Самъ же авторъ въ самомъ началѣ своей статьи говоритъ, что «съ самыхъ первыхъ временъ Христіанства явились люди — уединенные подвижники, потому что они жили въ уединеніи, по одиночкѣ». Одинъ уединенный подвижникъ или многіе такіе подвижники, но живущіе по одиночкѣ, конечно, не составляли Монастыря, а тѣмъ болѣе общежительнаго; въ чемъ, безъ сомнѣнія, согласится и самъ авторъ, который сейчасъ же продолжаетъ: «но мало по малу эти уединенные подвижники начали собираться въ общины, устраивать храмы, и вокругъ ихъ свои скудныя жилища. Вотъ начало всѣхъ Монастырей, Скитовъ, Пустынь и вообще Монашескихъ обителей». Хотя рѣчь автора и страдаетъ здѣсь большою неопредѣленностію въ отношеніи къ указанію времени, когда что и какъ было, но по крайней мѣрѣ изъ нея можно видѣть что было время въ Христіанствѣ, когда Монастырей во все не было, а существовали только Монахи, жившіе единицами и не составлявшіе Монастырскихъ общинъ. Такимъ образомъ, по словамъ автора выходитъ, что въ одно и то же (т. е. въ самое первое) время Христіанства Монастыри и были и не были: вотъ и доказательство обширности и основательности Историческихъ его познаній! Стоятъ ли же послѣ этого какой нибудь вѣры его слова,

едва не на каждой страницѣ поражающія разсуждающаго читателя своимъ противорѣчїемъ?— А потомъ и Исторія говоритъ намъ, что въ III и IV вѣкѣ начали уже существовать собственно Монастыри, какъ особыя Церковныя учрежденія, съ особыми уставами и правилами, но не общежительные только, а даже и такіе, въ коихъ каждый братъ имѣлъ свое отдѣльное отъ другихъ хозяйство, подобно тому, какъ и нынѣ существуютъ напр. Монастыри на Афонѣ. Исторія даже говоритъ намъ, кто именно изъ Христіанскихъ подвижниковъ былъ общицъ житій Начальникомъ, то есть, первымъ, положившимъ начало общежительному Монастырскому уставу: это— Преподобный Θεодосій, жившій уже въ концѣ пятого и въ первой четверти шестаго вѣка (+ 529 г.). Вотъ когда явились на свѣтъ общежительные Монастыри, а не въ первые вѣка христіанства, какими обыкновенно признаются три первыхъ столѣтія по Рождествѣ Христовомъ. Слыхалъ ли когда объ этомъ авторъ?— Такъ и у насъ на Святой Руси издавна существовали и доселѣ существуютъ Монастыри какъ общежительные, такъ и не общежительные. Если все это автору дѣйствительно неизвѣстно, то конечно благоразуміе должно бы было удержать его отъ публичнаго заявленія своего невѣжества въ такомъ дѣлѣ, о которомъ онъ взялся писать, не имѣя надлежащаго о немъ понятія; если же онъ съ намѣренїемъ обо всемъ этомъ умалчиваетъ, имѣя въ виду злую цѣль— ввести въ обманъ довѣрчивыхъ читателей, то пусть онъ самъ рѣшитъ: честно ли это?!

Переходимъ ко второй половинѣ передовой статьи о реформѣ нашихъ Монастырей, помѣщенной въ № 298 Русскаго Мира.

Мы уже выше видѣли, что авторъ рѣшительно не признаетъ возможнымъ открыть въ нынѣшнихъ Монастыряхъ благотворительныя заведенія и дать самимъ Монахамъ (?) вести дѣятельную Христіанскую жизнь. Потому что, по его понятіямъ, «какимъ образомъ, соблюдая Монастырскій уставъ предписывающій Монаху уединеніе, постъ и молю

тву, можно устроить въ Монастырѣ хотъ бы напр. боль-
 ницу или училище? Для больныхъ и дѣтей нужна *мле-
 ная пища*, а Монастырскимъ уставомъ она *строжайше*
запрещена. . . . По этому, по его предположенію, выска-
 занному не много выше въ томъ же номерѣ газеты, «тѣ
 Монастыри, которые не желаютъ принять общежительнаго
 устава, было бы весьма полезно обратить въ простыя бла-
 готворительныя заведенія безъ Монастырскаго устава.»
 «Мы увѣрены, продолжаетъ за тѣмъ авторъ, что большая
 часть изъ Монаховъ—пошла бы на службу въ больни-
 цахъ, богадѣльняхъ и пріютахъ, которые можно было от-
 крыть въ Монастыряхъ не общежительныхъ.» Что же это
 были бы за Монахи, спросимъ мы автора? Исполнять имъ
 уставъ Монастырскій не совмѣстимо съ условіями благо-
 творительныхъ заведеній; не исполнять—противно торже-
 ственно даннымъ ими предъ Церковію обѣтамъ! Что же—
 сложить имъ съ себя Монашество?!—Вотъ въ какое про-
 тиворѣчивое положеніе ставить ихъ авторъ, бросающій
 на вѣтеръ свою мысль и слова. Впрочемъ что ему за
 дѣло до того? Его хлопоты въ томъ только состоятъ, какъ
 бы побольше развести «братьевъ и сестеръ милосердія,
 ведущихъ *дѣятельную*, а не созерцательную Христіан-
 скую жизнь». —Послѣднюю онъ ни во что, повидимому, не
 ставитъ. Что же? у каждаго свой вкусъ. Кто воспиталъ
 себя по Фохту или Молешотту и, какъ истый Дарвинистъ,
 предками своими признаетъ не кого-другаго, какъ обезья-
 ну, для того можетъ ли быть цѣнна какая нибудь созер-
 цательность? Вотъ какъ изображены подобные неправые
 мыслители въ Словѣ Божіемъ: *безъ цѣли рождены мы*
и послѣ будемъ какъ не бывшіе: дыханіе въ ноздряхъ
нашихъ—дымъ и слово—искра въ движеніи нашего серд-
ца, которая когда угаснетъ, тѣло обратится въ прахъ,
и духъ разсѣется, какъ жидкій воздухъ (Прем. Солом.
 2, 2. 3.). *Участь сыновъ человѣческихъ, проповѣдуютъ*
они, и участь скотовъ—одна и таже участь ихъ: какъ
умираютъ эти, такъ умираютъ тѣ,—и духъ одинъ у
всѣхъ, и нѣтъ челоѣкыу преимущества предъ скотами.

Все это въ одно мѣсто идетъ, все это произошло изъ персти, и все это возвратится въ персть (Екклес. 3, 15. 20.). Не къ подобнымъ ли мыслителямъ принадлежить и Авторъ, который желаетъ обращенія Монастырей въ какія угодно благотворительныя заведенія—лишь бы безъ Монастырскаго устава, строго предписывающаго Монахамъ вести жизнь созерцательную, состоящую, по его же понятію, въ подвигахъ постоянной молитвы и самаго строгаго поста? Но кто знаетъ духъ сыновъ человеческихъ, который горь восходитъ, и духъ скота, который внизъ—въ землю идетъ (—тамже ст. 21.), тотъ едва ли будетъ согласенъ съ авторомъ на счетъ ограниченія или сокращенія, а тѣмъ болѣе прекращенія созерцательной Христіанской жизни, а напротивъ пожелаетъ, чтобы данъ былъ ей болѣе просторъ. Какъ бы то ни было, къ такому бы разряду мыслителей ни принадлежалъ авторъ, онъ крѣпко настаиваетъ на томъ, чтобы Русскіе Монастыри сдѣлать простыми благотворительными заведеніями, въ которыхъ наше обширное отечество чувствуетъ такую гнетущую нужду. Монастырскія имущества, по его соображеніямъ, можно бы было обратить въ государственные фонды, процентами съ которыхъ и содержались бы на вѣчныя времена эти благотворительныя заведенія. Сколько бы тутъ было призрѣно нужды, болѣе и несчастій! Такъ напѣваетъ авторъ въ пользу страждущаго и бѣдствующаго человѣчества.— Все это, безъ сомнѣнія, можно сдѣлать и на бумагѣ написанное все это похвально, но подумалъ ли Авторъ о томъ, сколько бы выхваляемою имъ мѣрою произвелъ онъ волненія въ Православномъ Русскомъ народѣ, горячо отстаивающемъ всѣ Церковныя учрежденія, которыя отъ лѣтъ древнихъ онъ привыкъ, чтить и уважать,—сколько бы при этомъ возникло ропота и со стороны Монастырскихъ благотворителей, которые сдѣлали вклады именно на Монастыри, а не на пріюты и больницы, которые жертвуютъ именно Монахамъ въ той увѣренности, что они о нихъ помолятся предъ Престоломъ Божиимъ, а не какимъ

нибудь братьямъ и сестрамъ милосердія, какую бы жизнь дѣятельную ни вели они! Автору до всего этого дѣла нѣтъ, ибо не въ томъ его задача...

Но особенно онъ горюетъ объ училищахъ, существующихъ при Монастыряхъ. «Мы отъ души жальемъ тѣ училища, читаемъ мы въ его статьѣ, которыя существуютъ въ Монастырскихъ стѣнахъ. Дѣтямъ сидѣть на пищѣ Св. Антонія вовсе не пригодно. Дѣти должны питаться хорошо, чтобы быть здоровыми и дѣятельными людьми, а не отшельниками—аскетами.» Послѣдніе,—продолжимъ мы рѣчь автора,—пусть будутъ и больны отъ Антоніевской пищи (кто ихъ станетъ жалѣть? Кому они нужны?), и недѣятельны отъ недостатка питанія (къ тому, чтобы выдерживать тяжелую борьбу духа съ плотію, подвизаться въ постоянной молитвѣ, цѣлые дни и ночи проводить въ бодрствованіи, утомлять и усмирять себя постомъ, колѣнопреклоненіями, тяжелыми веригами—развѣ нужны силы, и развѣ такіе пустяки, по автору стоятъ какого либо вниманія и поддержки?!). Вотъ до чего доходитъ взглядъ автора на Монашество, о преобразованіи котораго, повидимому, онъ столько имѣетъ ревности! Но подумалъ ли авторъ, отъ души жалѣющей Монастырскія училища, что горе его мнимое, что Монастыри, дающіе въ своихъ стѣнахъ пріютъ для училища дѣтей, заботятся и о сообразныхъ съ требованіями дѣтской природы гигиѣническихъ условіяхъ, что учащихся отнюдь не обрекаютъ на нелюбимую авторомъ пищу Св. Антонія. Въ утѣшеніе ему, выпишемъ нѣсколько строкъ изъ примѣрной смѣты расходовъ на годовичное содержаніе въ 1873 году выше упомянутого нами училища въ Почаевской Лаврѣ: въ годъ на содержаніе одного учащагося пищею по сей смѣтѣ полагается—ржаной муки 12 пуд., бѣлаго хлѣба 2 пуд., говядины 5 пуд., сала 15 ф., коровьяго масла 1 ф., муки на галушки 3 п. 20 ф., коноплянаго масла 20 ф., свѣжей рыбы 25 ф., судаковъ 25 ф., пшеница 8 гарнц., гречневыхъ крупъ 16 гарнц., фасоли 2 гарнц., соли 15 ф., огородные овощи, сыръ, яйца, молоко, квасъ и при-

бавки на Пасху, Рождество Христово, и проч. Затѣмъ въ смѣтѣ слѣдуютъ, относительно содержанія учениковъ пищею, *Примѣчанія*: 1) въ посты вмѣсто говядины, молока, коровьяго масла или свиного сала, должны употребляться рыба, грибы, постное масло, снатики, вьюпы и т. под. 2) можно употреблять одного предмета болѣе, другаго менѣе, можно замѣнять одинъ предметъ другимъ, смотря потому, чего пожелаютъ ученики, 3) отнюдь не должно отказывать ученикамъ въ хорошей и достаточной пищѣ съ тою цѣлю, чтобы дѣлать изъ этой суммы сбереженія. Надобно заботиться о томъ, чтобы мальчики были сыты, здоровы и веселы. . . . 4) Все съѣстные припасы должны быть свѣжіе. (*) Вотъ чѣмъ и какъ кормить Святая Лавра училищныхъ своихъ воспитанниковъ: похажали ихъ пища на ту, которую употреблялъ Пропод. Антоній и которая удостоена имени сего великаго Пустынника? Съ увѣренностію можно сказать, что большинство учащихся въ Лаврскомъ училищѣ—на Лаврскомъ содержаніи, и дома—у своихъ родителей видало бы такую пищу развѣ только въ большіе праздники. Да потрапезовать за такимъ училищнымъ обѣдомъ, приготовленнымъ изъ указанныхъ въ смѣтѣ припасовъ, едва ли бы отказался и самъ авторъ. . . . Что же значить его *жалтіе отъ души* училище, находящихся въ Монастырскихъ стѣнахъ, и дѣтей, пользующихся Монастырскимъ содержаніемъ? *Не личина ли*, которою онъ хочетъ прикрыть излюбленную свою мысль—такъ или иначе, правдами и неправдами, доказать, что не только бывшіе Русскіе Монастыри, «не сильны въ глазахъ вѣрующахъ своимъ уставомъ», но и Монастыри настоящіе, строго держащіеся Монастырскаго устава, не годятся даже для того, чтобы быть имъ какими нибудь благотворительными заведеніями, и чѣмъ строже они выполняютъ свой уставъ, тѣмъ менѣе возможно учредить въ нихъ больницу или

(*) Вол. Еп. Вѣд. за 1873 г. № 6. ч. Оффид. стр. 141 и 142.

училище. Совмѣщеніе Монастырей и благотворительныхъ заведеній при соблюденіи Монастырскаго устава, по крайнему разумѣнію автора, *не мыслимо* а безъ Монастырскаго устава какіе же могутъ быть Монастыри?— Ну, и порѣшить съ ними!.. Вотъ какая добрая мысль, какая благодѣтельная для Святыхъ Русскихъ Обителей реформа скрывается подъ душевнымъ сожалѣніемъ и всѣми правыми и неправыми разсужденіями автора! Монастыри, говоритъ онъ, только и сильны въ глазахъ вѣрующихъ своимъ уставомъ. Положимъ что онъ не исполняется, но *свѣдь срывающіе предъ этимъ фактомъ закрываютъ глаза* и не желаютъ его видѣть. Невольно напоминаетъ авторъ этими словами известную Библейскую Исторію о дѣтяхъ Праведнаго Ноя (Быт. 9, 20—27.), наглядно изобразившую разныя отношенія ихъ къ своему отцу. Пусть самъ авторъ разсудитъ, къ какому племени принадлежитъ по духу—онъ, какъ писатель статьи о реформѣ Монастырей, разоблачающій ихъ дѣйствительные и мнимые недостатки, и тѣ вѣрующіе, о коихъ онъ сейчасъ упомянулъ,—къ благословенному ли племени Сима и Иафета или къ поклѣвню Хамову...

Далѣе авторъ статьи о монастырской реформѣ, утверждая, что «въ нѣкоторыхъ монастыряхъ можно будетъ найти, *если только заблаговременно приять надлежащія мѣры*, такія сокровища, о которыхъ мы теперь предполагаемъ не можемъ»,—не означая однакоже, какія это такія невообразимыя сокровища,—продолжаетъ: «однимъ только окажутся наши монастыри крайне бѣдными—это библиотеками и архивами. На эти сокровища у насъ въ монастыряхъ не были пади.»—Авторъ и забываетъ совсѣмъ, что онъ пишетъ не объ Академіяхъ Наукъ, не объ ученыхъ обществахъ и не объ учебныхъ даже заведеніяхъ, а о святыхъ обителяхъ, о такихъ церковныхъ учрежденіяхъ, цѣль которыхъ, по смыслу монастырскаго устава, вовсе не заключается въ собраніи и храненіи Библиографическихъ и разныхъ другихъ рѣдкостей и сокровищъ. Но Авторъ, вѣроятно, и не слыхалъ о пере-

дачѣ въ Духовныя Академіи богатѣйшихъ Библіотекъ напр. Волоколамской, Соловецкой, Бѣлозерской и другихъ; онъ, по своему обычаю, и не подумалъ справиться о томъ, нѣтъ ли въ самомъ дѣлѣ въ Русскихъ монастыряхъ какихъ либо Библіотекъ. А справившись онъ узналъ бы, что и нынѣ Русскіе монастыри не бѣдны библіотеками. Мы напр. вновь укажемъ ему на вышеупомянутый нами Дерманскій Монастырь нашей Епархіи. Въ исторической запискѣ о немъ, помѣщенной въ мѣстныхъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ, въ статьѣ о Библіотекѣ напечатано: «всего книгъ, составляющихъ монастырскую Библіотеку, *не включая въ то число Богослужебныхъ*, болѣе 400. Книги сіи большею частию на Славянскомъ, Русскомъ, Польскомъ и Латинскомъ языкахъ, но есть не многія на Греческомъ и Нѣмецкомъ, а двѣ на Италіанскомъ» (*). Вотъ и обличеніе невѣдѣнія Автора и его неправеднаго нареканія на монастыри, безъ всякихъ основаній пущеннаго имъ въ печать! Всякій, немного знакомый съ дѣломъ, конечно, почелъ бы стыдомъ для себя напечатать голословное обвиненіе, по авторъ, неутомимо преслѣдующій свою цѣль и при этомъ не слишкомъ разборчивый на средства, крѣпко держится принципа: *авось не справятся,—пройдетъ*. И изобразивши монаховъ ничему неучившимися, едва грамотными, дотого невѣжественными, что съ трудомъ могутъ подписать свое имя, онъ наивно восклицаетъ: *какихъ же искать архивовъ и библіотекъ у такой братіи?* — И мы на то согласимся, что Авторъ, конечно, никакихъ не отыщетъ; потому что онъ для этаго въ монастыри и не заглянетъ, другіе же какъ прежде отыскивали, такъ и впередъ будутъ пользоваться въ числѣ другихъ источниковъ монастырскими Библіотеками.

Интересно наконецъ общее заключеніе, къ которому, послѣ довольно длинныхъ изслѣдованій, приходитъ Авторъ въ своей статьѣ о реформѣ Русскихъ монастырей. И такъ, говоритъ онъ, реформа и предшествующая ей ревизія

(*) Вол. Еп. Вѣд. за 1873 г. № 9 ч неоф. стр. 327.

Монастырей открыла бы намъ много интереснаго. Она открыла бы намъ, *во первыхъ*: до чего современный образъ жизни (?) монашества не похожъ на тѣ монастырскіе уставы, которыми онъ *долженъ руководиться* (?); *во вторыхъ* она открыла бы намъ массу праздныхъ людей, *укрывающихся въ монастыряхъ* и уклоняющихся, *подъ видомъ послушниковъ*, отъ разныхъ Государственныхъ и общественныхъ повинностей; *въ третьихъ* она открыла бы намъ массу сокровищъ, лежащихъ *безполезно*, *портящихся* отъ лежанья *и систематически растаскиваемыхъ* въ разные стороны. И такъ по обвинительной статьѣ Автора монастыри подлежатъ: *по первому пункту*—общему административному или дисциплинарному наказанію за несоответствіе монастырскому уставу и измѣну своему долгу; *по второму пункту*—не менѣе, какъ уголовному суду за укрывательство людей праздншатающихся; *по третьему пункту*—если не закрытію, то по меньшей мѣрѣ секуляризаціи имуществъ. Какой, подумаешь, благодѣтельный проектъ придумалъ благожелательный Авторъ для монастырской реформы! Какъ много должны быть благодарны ему Русскія святыя обители! Какое большое спасибо обязанъ сказать ему Православный Русскій человѣкъ!

Спрашивается: для кого и для чего пишутся и печатаются подобныя статьи?

Ужели для Правительства?—Говоря о необходимости ревизіи монастырей предъ ихъ реформой, Авторъ разобранной нами статьи указываетъ и на то, что такая ревизія доставила бы и *Правительству* и обществу множество драгоценнѣйшихъ свѣдѣній о монастыряхъ, и что для сохраненія въ цѣлости монастырскихъ сокровищъ, предъ реформой монастырей слѣдуетъ заблаговременно принять надлежащія мѣры,—что, конечно, есть дѣло не частныхъ лицъ и даже не цѣлаго общества. Но ужели Православное Русское Правительство нуждается въ подобныхъ

испинуаціяхъ? Ужели оно хуже, чѣмъ Авторъ, видитъ и заслуги и недостатки монастырей? И если только Правительство признаетъ эти церковныя учрежденія (еще соотвѣтствующими ихъ назначенію, ужели оно пожалѣетъ тѣхъ 400,000 рублей, которыя, по исчисленію Вѣстника Европы, имъ ежегодно отпускаются на содержаніе 385 Русскихъ святыхъ обителей, сосчитанныхъ Русскимъ Міромъ, — когда оно не щадитъ, даже при единовременныхъ ассигнованіяхъ, десятковъ и сотенъ тысячъ рублей на устройство напр. Туремъ, въ виду могущей произойти изъ этаго пользы для Государства? Да и много ли для Русскаго Правительства значать эти четыре сотни тысячъ въ общей массѣ огромныхъ суммъ, распределяемыхъ по разнымъ вѣдомствамъ обширной земли Русской? Если же не для правительства, то для общества, можетъ быть, пишутся подобныя статьи? — Но въ обществѣ — люди правильно образованные и съ добрымъ направлениемъ, если только обратятъ на такого рода статью серьезное вниманіе и свѣрять ее съ дѣйствительными фактами, тотчасъ же замѣтятъ ея несостоятельность и потому не придадутъ ей значенія, какъ статьи руководящей; а люди, не отличающіеся правильнымъ умственнымъ, а тѣмъ болѣе нравственнымъ направлениемъ, или и читать не станутъ такую статью, какъ трактующую о совершенно не интересномъ для нихъ предметѣ, или, если прочитаютъ ее, то развѣ для того только, чтобы получить лишній случай поглумиться вмѣстѣ съ Авторомъ надъ совершенно неизвѣстнымъ для нихъ предметомъ, и за тѣмъ, дадутъ прочитанному заветному листку соотвѣтственное его дѣйности назначеніе. Человѣкъ же истинно благонастроенный, привыкшій уважать все, относящееся до Святой Вѣры, христіанскаго благочестія, Православной Церкви, прочитавши подобную статью, необходимо возмутится духомъ, видя возносимую на монастыри неправду, отъ души пожалѣетъ о томъ, что могутъ являться на Святой Руси, такія статьи, въ которыхъ такъ мало уважается печатное слово, осудить и самую прессу, допус-

кающую на свои столбцы, безъ малѣйшей повѣрки, не только худо замаскированныя разныя тенденціи, но и явную ложь относительно предметовъ достойныхъ полного уваженія.

Но если образованное и благонамѣренное общество сочувственно не отзовется на такія статьи, то не рассчитываютъ ли составители ихъ на большинство Русскаго народа, въ которомъ не все же безграмотные люди, а напротивъ замѣтно нѣкоторое стремленіе къ просвѣщенію, такъ что и изъ неграмотныхъ всегда найдется нѣсколько человѣкъ, готовыхъ послушать какое либо чтеніе?—Но въ настоящее время съ увѣренностію еще можно сказать, что въ среду Русскаго собственно народа—въ крестьянство, мѣщанство и купечество, за исключеніемъ очень небольшой его части, статьи, подобныя помѣщенной въ Русскомъ Мирѣ и нами разобранной, едва ли и проникнутъ, потому что въ этой средѣ чтеніе или слушаніе Четь—миinei или другой душеспасительной книги всегда предпочтутъ чтенію или слушанію какой бы то ни было газетной передовой статьи, а если по какому либо случаю и будетъ прочитана тамъ подобная статья, то едва ли возымѣетъ она между слушателями хоть бы малый успѣхъ, такъ какъ означенныя сословія еще крѣпко держатся Православной Вѣры и считаютъ за грѣхъ судить и осуждать церковныя установленія. И—доколѣ въ этой средѣ не будетъ распространено то фальшивое и вредное просвѣщеніе, навѣянное на Русь извнѣ, о которомъ столько заботятся *печальники* нашего отечества, доколѣ совершаемая въ монастыряхъ Всенощныя Бдѣнія Русскій народъ не рѣшится промѣнять на театральныя представленія, допускаемая иногда и наканунѣ праздниковъ церковныхъ, доколѣ благолѣпіе и святыня монастырскихъ храмовъ для него будетъ оставаться цѣннѣе всякой сценической обстановки и церковное пѣніе доступнѣе и усладительнѣе для его души, чѣмъ всѣ различныя концерты и оффенбаховскія оперетки, дотолѣ въ душѣ Православнаго Русскаго человѣка не угаснетъ уваженіе къ святымъ оби-

телямъ, доголѣ щедрая рука его не откажется отъ жертвы на благоустройство и благоуукрашеніе монастырскихъ храмовъ и на поддержку самыхъ монастырей.

Если же ни для кого, то для чего пишутся и печатаются подобныя статьи?— Не для того ли только, чтобы получить за нихъ приличный гонорарій отъ Редакціи? Это— всего вѣроятнѣе, судя потому, что авторы такихъ статей не слишкомъ-то любятъ то, что вообще, по ихъ мнѣнію, есть жизнь созерцательная; а больше водятся практическими соображеніями. Деньги и деньги,— чего же больше?— Но въ такомъ случаѣ не добросовѣстнѣе ли было бы зарабатывать себѣ хлѣбъ честнымъ трудомъ, правдивымъ словомъ?!..

Заклучимъ свои замѣтки словами нашего Господа и Спасителя: *Добрый человекъ изъ добраго сокровища выноситъ доброе: а злой человекъ изъ злаго сокровища выноситъ злое. Говорю же вамъ, что за всякое праздное слово, какое скажутъ люди, дадутъ они отвѣтъ въ день суда. Ибо отъ словъ своихъ оправдаешься, и отъ словъ своихъ осудишься.* (Матѣ. 12, 35—37.).

Слова Христовы не мимоидутъ!

ПЯТИДЕСЯТИЛѢТНІЙ ЮБИЛЕЙ ЗАШТАТНАГО ПРОТОІЕРЕЯ М. БѢЛАГОРОДКИ, ЗАСЛАВСКАГО УБѢДА, ПЕТРА БЕНДЕРОВСКАГО.

Священники 1-го Благочинническаго округа, Заславскаго уѣзда, собравшись въ с. Чижовку 27-го Ноября 1873 года для исповѣди и выслушанія распоряженій Епархіальнаго Начальства, тамъ же единодушно выразили желаніе отпраздновать пятидесятилѣтнее служеніе въ санѣ священства заштатнаго Протоіерея м. БѢлагородки, Петра Бендеровскаго, (бывшаго своего Благочиннаго), прослужившаго, кромѣ разныхъ должностей, въ одной благочиннической 37 лѣтъ, ознаменовавъ оную храненіемъ мира и братской любви въ средѣ подвѣдомственнаго духовенства, неуклонною ревностью о его благѣ, правдолюбіемъ въ разбирательствѣ его интересовъ, и тщательнымъ стараніемъ о благоустройствѣ окружныхъ церквей.

Вслѣдствіе сего, желая воздать должную дань уваженія и почитанія бывшему своему Благочинному, священники того же 27-го Ноября поручили мѣстному Благочинному, отъ лица всего окружнаго духовенства, испросить, у Высокопреосвященнѣйшаго Агаангела, Архипастырское разрѣшеніе и благословеніе на празднованіе юбилея, съ присовокупленіемъ, что какъ юбилейный день совпадаетъ съ первымъ днемъ Праздника Рождества Христова, то торжество онаго перенесется на 16-е Января 1874 года, т. е. на день Ангела юбиляра.

Глубокоуважаемый Архипастырь, по доведеніи о семъ до его свѣденія, 8-го Декабря, на письмѣ мѣстнаго Благочиннаго удостоилъ духовенство слѣдующею милостивою резолюціею: «Разрѣшается и благословляется. Прошу я отъ меня поздравить, въ день празднества, Достопочтеннѣйшаго Отца Протоіерея Петра Бендеровскаго съ пятидесятилѣтнимъ служеніемъ въ санѣ священства. Господь Богъ да укрѣпитъ его силы къ продолженію священнослуженія еще на многіе годы.»

Обрадованное благосклонною резолюціею и особеннымъ сочувствіемъ своего Архипастыря, духовенство

стало приготовляться къ торжеству, и съ нетерпѣніемъ ждуть 16-е Января.

Наконецъ, насталь желанный часъ празднованія вожделѣннаго юбилея. Наканунѣ юбилейнаго торжества прибыли: мѣстный Благочинный и два священника, но, по случаю бывшей мятели, опоздали ко всенощному бдѣнію и не могли участвовать, а потому всенощное бдѣніе совершенно было обычнымъ порядкомъ только однимъ юбиляромъ; но за то въ самый день торжества, въ 8-мъ часовъ утра уже стало собираться окружное духовенство, въ $\frac{1}{2}$ девятаго прибыли: нѣсколько военныхъ, въ томъ числѣ два полковника, —судебный слѣдователь, становой приставъ и многіе изъ официалистовъ князя Сангушко, явившіеся частію изъ уваженія къ юбиляру, частію изъ любопытства узрѣть небывалое въ этой мѣстности торжество. Благодарные же и признательные духовные дѣти юбиляра, почти въ полномъ составѣ своемъ, къ 9-ти часамъ наполнили церковь, не взирая на будній день.

Наконецъ, въ $\frac{1}{2}$ десятаго часа начался въ Воскресенской Церкви (въ м. Бѣлагородкѣ есть другая Троицкая церковь) благовѣстъ къ литургіи; тогда два изъ старѣйшихъ іереевъ, по распоряженію Благочиннаго, отправились въ покои юбиляра для торжественнаго сопровожденія его въ церковь и сообщенія, что наступило время сотворити Господеви; духовенство же и народъ выступили для встрѣчи на паперть церковную. Когда маститый и бодрый еще старецъ — юбиляръ приблизился къ вратамъ церковнымъ, Свящ. Е. Я. привѣтствовалъ его, отъ лица духовенства слѣдующею рѣчью.

Ваше Высокопреподобіе,
Высокопреподобнѣйшій
Отецъ Протоіерей!

Отъ лица сего сонма іереевъ благоговѣйныхъ привѣтствую Васъ съ исполненіемъ пятидесятилѣтія служенія Вашего въ санѣ священства. Сколько усладительно намъ

поздравить Васъ съ симъ достославнымъ торжествомъ, столько же, смѣю думать, отрадно и утѣшительно Вамъ слышать нашъ искренній и задушевный привѣтъ, тѣмъ болѣе, что такіе вождедѣнные дни, какъ нынѣшній, составляютъ рѣдкій удѣлъ людей и, притомъ, людей доброжелательнѣйшихъ. Они убѣдительно говорятъ въ пользу той истины, что добродѣтель есть вѣрнѣйшій залогъ благополучія.

Какъ ни скромень жребій нашъ и какъ ни узка и малообъемлюща кажется сфера пастырской дѣятельности на взглядъ свѣта, но достойное дѣланіе и въ маломъ вертоградѣ можетъ возвеличить дѣлателя. Ибо великъ не только тотъ, кому исторія знаменитыхъ подвиговъ сплетаетъ вѣнецъ славы, но и тотъ, кто въ маломъ вертоградѣ дѣланія возвеличить себя подвигами добродѣтелей. Если когда, то особенно нынѣ благовременно будетъ взглянуть на трудную и благоплодную пиву дѣланія Вашего и вспомнить о тѣхъ незабвенныхъ заслугахъ, какими ознаменована Ваша многолѣтняя дѣятельность. Полувѣковое служеніе Ваше, какъ пастыря, всегда ознаменовано было ревностнымъ, неуклоннымъ и добросовѣстнымъ исполненіемъ пастырскихъ обязанностей, неусыпною энергіей и любовью къ труду, которая не ослабѣваетъ, не взирая на преклонныя лѣта и немощъ старости. Отношенія Ваши къ пасомымъ всегда проникнуты были сердечностію, искренностію, отеческою благопопечительностію и живымъ состраданіемъ къ братьямъ нашимъ, еще пребывающимъ во мракѣ умственного и нравственного невѣжества. Эти прекрасныя качества со стороны пасомыхъ возбуждали довѣріе, любовь, уваженіе и послушаніе, плодомъ чего было единеніе духа въ союзѣ мира и любви, по слову Апостола. Почти четырехдесятилѣтнее служеніе Ваше, какъ старѣйшаго между іереями, какъ лица, облеченнаго властью, еще явственнѣе обнаружило драгоцѣнныя свойства Вашего характера. Счастливый даръ привлекать всеобщія симпатіи, неподражаемое умѣніе примирять требованія долга съ правилами гуманности, благоразуміе строгости

съ снисходительностью, умѣренность, настойчивости, съ благородствомъ, кромѣ того, благодушіе, ласковость, обходительность и предупредительность, — вотъ черты, которыми ознаменована Ваша дѣятельность на этомъ поприщѣ. Если кто изъ братій впадалъ въ нѣкое прегрѣшеніе, Вы, по слову Писанія, исправляли такового духомъ кротости. Эти похвальные черты тѣмъ болѣе драгоценны потому, что дѣятельность Ваша обнимаетъ собою и то время, когда нерѣдко употреблялось строгое и надменное обращеніе съ подчиненными и когда господство злоупотребленій было въ обыкновеніи. Вы и тогда умѣли устоять противъ искушеній власти. Отличныя заслуги Ваши обратили вниманіе начальства, и оно наградило Васъ видими знаками своего благоволенія. Наконецъ, жизнь Ваша, какъ частнаго человѣка, представляетъ для насъ образецъ, достойный удивленія и подражанія. Глубоко понимая ту истину, что жизнь наша есть драгоценнѣйшій даръ Божій человѣку, Вы пользуетесь этимъ даромъ въ высшей степени благоразумно и умѣренно. Строговоздержный и умѣренный образъ жизни, твердость характера, самообладаніе или даже величайшее, по ученію древнихъ, искусство побѣждать самаго себя, — вотъ удивительныя черты, благодаря которымъ, Вы смѣло можете сказать, что не отдали жизни своей въ жертву міру и страстямъ.

Еще разъ привѣтствуемъ съ достославнымъ для Васъ торжествомъ и сердечно желаемъ Вамъ преуспѣанія въ тѣхъ добродѣтеляхъ, кои сохранили Васъ до сего вождѣннаго дня. Причемъ не могу не высказать нѣкоторой скорби, что не могу скуднымъ словомъ высказать всего того, что такъ пламенно, такъ живо чувствуется сердцемъ.

Помолимся убо Всеблагому и Всещедрому Богу, да продлитъ и украситъ Онъ дни Ваши, яко дніе неба, да сохранитъ Онъ Васъ въ вѣкъ и соблюдетъ Вамъ венецъ правды, его же уготова любящимъ Его:

Отецъ Протоіерей отъ души поблагодарилъ оратора

и духовенство и направился во храмъ. При входѣ его и прикладываніи къ иконамъ, своды храма огласились стройнымъ и гармоническимъ пѣніемъ «Достойно есть,» и затѣмъ началось облаченіе служащихъ. Послѣ этого, соборомъ было отправлено молебствіе св. Апостолу Петру, и началась Божественная Литургія, совершенная юбиляромъ въ сослуженіи мѣстн. Благочиннаго, трехъ священниковъ и двухъ діаконовъ. На литургіи, на сугубой эктении, непосредственно послѣ возглашенія имени Высокопреосвященнѣйшаго Агаѳангела Архіепископа, прибавлено было: «и о настоятелѣ св. храма сего Петрѣ.»

Торжественности и благолѣпію Богослуженія и мало способствовало гармоническое пѣніе двухъ пѣвческихъ хоровъ, которое въ своемъ достоинствѣ еще болѣе выиграло отъ того, что между поющими замѣтно было соревнованіе. За литургіею сказалъ поучительное и трогательное слово Священникъ Чернявскій. Послѣ литургіи, всѣмъ наличнымъ духовенствомъ совершено было благодарственное Господу Богу молебствіе, при окончаніи коего Благочинный съ однимъ изъ болѣе заслуженныхъ и старѣйшихъ іереевъ поднесли юбиляру пожертвованную духовенствомъ икону, высказавъ при этомъ нѣсколько теплыхъ, задушевныхъ словъ и благожеланій. Благоговѣнно приложившись къ иконѣ, юбиляръ, въ смиренномъ сознаніи своихъ чловѣческихъ немощей, отвѣтствовалъ слѣдующими многозначительными словами.

Досточтимые Отцы!

Благоугодно Вамъ цѣнить заслуги мои; но я словами Апостола скажу о себѣ: буяя міра и немощная, и худородная, и униженная избра Богъ, яко да не похвалится предъ Богомъ всяка плоть, (1) и я одинъ изъ нихъ; затѣмъ, по неисповѣдимой благодати Божіей, немощная врачующей и оскудѣваемая восполняющей, вмѣстѣ и при Вашемъ, почтеннѣйшіе Оо. и Братіе! ко мнѣ благосни-

(1) 1 Коринѣ. гл. 1 ст. 27 и 28.

схожденіи въ прохожденіи, сверхъ чаянія, пятидесятилѣтняго поприща моего, о немощи моей токмо похваляюся.

И если на это слабое служеніе мое обращенъ Вами благоволительный взоръ и вниманіе, на что я никогда не искалъ права, то этотъ духъ единенія Вашего со мною и любви Вашей ко мнѣ, особенно теперь, когда дни жизни моей угасаютъ, когда міръ и образъ его для меня уже переходятъ, считаю для себя выше всѣхъ радостей земныхъ.

Но при сихъ мысляхъ, при сихъ благоприятныхъ знаменіяхъ и залогахъ Вашего сочувствія ко мнѣ, мое слово изнемогаетъ отъ избытка чувствъ, волнующихъ сердце, чтобы высказать Вамъ достойную благодарность; а даю только непреложный обѣтъ, что никогда не забуду Васъ и сохраню любовь свою къ Вамъ не только до гроба, но и возьму ее во гробъ, предстану съ нею въ смиренномъ дерзновеніи къ Отцу Небесному и буду вѣчно молить Его о здравіи и спасеніи Вашемъ, такъ и вѣрною мнѣ нѣкогда паствы, сей братіи моей меньшей.—Аминь.

Послѣ возгласенія многолѣтія: Государю Императору и всему Царствующему Дому, Высокопреосвященнѣйшему Арх. Агаѳангелу, молебствіе было заключено возгласеніемъ многолѣтія юбиляру. При выходѣ изъ храма, депутация отъ крестьянъ привѣтствовала о. Протоіерея, причемъ поднесена была икона, пожертвованная признательными прихожанами, а одинъ изъ болѣе толковыхъ и грамотныхъ крестьянъ прочиталъ собственнаго произведенія привѣтствіе.

Многочисленное собраніе прихожанъ ясно говорило, что они собрались сюда по внушенію своихъ свободныхъ чувствъ любви и благожеланій къ юбиляру, а духовная ихъ въ семь торжествъ радость свидѣтельствовала, что они всѣми силами души участвовали въ празднованіи юбилея высокочтимаго своего пастыря.

Юбиляръ поблагодарилъ духовныхъ своихъ чадъ за взаимную любовь и, сопровождаемый всѣмъ собраніемъ,

съ преднесеніемъ иконъ и при пѣніи тропаря. Днесь благодать св. Духа на събра, направилъ въ свои покои. Дома онъ былъ радушно встрѣченъ семействомъ и принялъ предложенныя ему хлѣбъ и соль. Послѣ этого, Благочинный поздравилъ о. Протоіерея отъ имени Высокопреосвященнѣйшаго Архипастыря нашего и сказалъ слѣдующую рѣчь.

Ваше Высокопреподобіе!

Отличнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей Вы приобрѣли благоволеніе высшаго Епархіальнаго Начальства; свидѣльствомъ сему служатъ преданные на день Вашего торжества слова нашего Владыки: (1) «Прошу, пишетъ Архипастырь, и отъ меня поздравить, въ день праздника, Достопочтеннѣйшаго отца Протоіерея Петра Бендеровскаго съ пятидесятилѣтнимъ служеніемъ въ санѣ священства. Господь Богъ да укрѣпитъ его силы къ прохожденію священнослуженія еще на многіе годы.»

Велики, многознаменательны и цѣнны для Васъ, въ данную минуту, слова Святителя!

Однако, Достоуважаемый Юбиларъ, въ день сего торжества, позвольте и намъ сказать Вамъ слово правды. Служа долгое время подъ Вашимъ начальствомъ, мы были свидѣтелями, что вся жизнь Ваша была живою проповѣдью о любви къ ближнимъ и о томъ, какъ нужно воздавать добромъ за зло,—говорю это безъ побужденія льстить Вамъ. Всѣ мы знаемъ, что Вы были первымъ начинателемъ всякаго добраго и полезнаго предпріятія въ своемъ благочиніи, и всю жизнь скромно и честно прослужили для блага подвѣдомственнаго духовенства и благоустройства ввѣренныхъ Вамъ церквей.

За любовь къ истинѣ и добру, правда, Вы имѣли и огорченіе, при исполненіи многоразличныхъ своихъ обязанностей, но какъ честный и благородный дѣятель, всегда

(1) Резолюція Его Высокопреосвященства на письмѣ мѣстн. Благочиннаго, 8 Декабря 1873 года.

умиротворяли и ослабляли горечь нанесенных скорбей христіанскимъ терпѣніемъ, за что и нынѣ Ваше имя произносится съ уваженіемъ благомыслящимъ духовенствомъ, которое сочло святымъ своимъ долгомъ почитать Вашу память и сердечною молитвою, съ поднесеніемъ образа Спасителя, во свидѣтельство искреннѣйшихъ чувствъ своей любви.

Но полная оцѣнка Вашей жизни не ограничится благодарностію современнаго духовенства и признательностію Вашихъ духовныхъ чадъ; въ средѣ трудовъ Вашихъ есть достославное дѣяніе, которое съ похвалою помянетъ Ваше имя въ самомъ отдаленномъ потомствѣ (разумѣю великолѣпное повопостроеннаго Воскресенскаго храма). Кто не знаетъ, что Вы въ семъ дѣлѣ, для славы имени Христова, не щадили своихъ силъ, не знали утомленія, а всецѣло отдавались заботѣ по постройкѣ храма, который, послѣ долгихъ и трудныхъ промежутковъ времени, наконецъ, и конченъ, собственно по Вашему горячему содѣйствію и неуклонной ревности. Но о семъ благочестивомъ дѣлѣ истинный судъ скажетъ уже потомство; намъ же позвольте заключить нашу рѣчь словами: Господь Богъ да укрѣпитъ Ваши силы къ служенію Ему и въ новомъ храмѣ еще на многіе годы.*

При рѣчи, юбиларъ до слезъ былъ тронутъ всѣмъ, что совершилось вокругъ его, особенно когда Благочинный, въ обращенной къ нему рѣчи, указалъ на высокое вниманіе Архипастыря къ юбилару и выдающіеся обстоятельства изъ его жизни.

Наконецъ, послѣ обычныхъ привѣтствій и благожеланій, провозглашенъ былъ тостъ за здравіе Государя Императора и Его Августѣйшаго дома. Отвѣтомъ ему было единодушное и громогласное «ура»! заглушенное стройнымъ и главнымъ «Боже, царя храни», пропѣтымъ обоими хорами совокупно съ самымъ восторженнымъ патріотизмомъ. Далѣе слѣдовали тосты за здоровье Высокопреосвященнѣйшаго Архипастыря, юбилара и всѣхъ

присутствующихъ. Звучное и энергическое многая лѣта повторялось нѣсколько разъ. Наконецъ, слѣдовалъ обѣдъ, который былъ заключенъ всеобщимъ пѣніемъ тропаря «Благодаримъ тя, Христе Боже нашъ.»

Писавшій отъ души радуется этому свѣтлому явленію въ нашей провинціальной церковно-приходской жизни, особенно отрадно было видѣть собравшійся кружокъ пастырей, проникнутыхъ взаимною другъ къ другу любовью и уваженіемъ къ юбиляру, какъ достойнѣйшему сопастырю; отрадно было видѣть и любовь духовныхъ чадъ юбиляра, которые съ искреннимъ и горячимъ желаніемъ благодарили Господа за дарованіе имъ добраго пастыря, повторяю, пріятно было видѣть все это, потому что гдѣ любовь, тамъ и Богъ.

Св. Фотій *Переметницкій.*

КРАТКАЯ БІОГРАФІЯ ПРОТОІЕРЕЯ О. ПЕТРА БЕНДЕРОВСКАГО.

Протоіерей о. Петръ Бендеровскій, — сынъ священника, Волынской губерніи, Ровенскаго уѣзда, села Полянъ, Лаврентія Бендеровскаго, — родился 1802 года, Генваря 16-го дня. По смерти отца, онъ на содержаніи и подъ руководствомъ старшаго брата своего, бывшаго Протоіерея города Заславля Михаила Бендеровскаго, воспитывался въ бывшей въ г. Острогѣ Волынской Семинаріи. Можно думать, что опытность, строгія правила христіанской жизни и полная образованность старшаго брата имѣла сильное вліяніе на всю благочестивую и труженническую жизнь Юбиляра. По окончаніи Богословскихъ наукъ, теперешній Протоіерей отецъ Петръ Бендеровскій поступилъ во священство 1823 года, Декабря 25-го дня и занялъ приходъ м. Бѣдгородку; съ этого же времени, начинается много-

трудная и многополезная его дѣятельность. Первою его задачею; по вступленіи на приходъ, было—искоренить нѣкоторые предразсудки и обычаи, оставшіеся отъ уніятаства и глубоко укоренившіеся въ народѣ, и привести приходскую церковь въ возможныя устройство и благолѣпіе. Въ томъ и другомъ онъ оказалъ неожиданныя успѣхи, чѣмъ и обратилъ на себя вниманіе Епархіальнаго Начальства. Въ 1826 году онъ былъ назначенъ Депутатомъ Заславской Поземельной Коммисіи и въ 1828 году—Благочиннымъ приходскихъ церквей. По должности своей онъ былъ назначаеъ въ разныя отдаленныя мѣста для производства слѣдствій о церковныхъ земляхъ и съ неимовѣрнымъ усердіемъ отстаивалъ эти достоявія церквей. Въ 1832 году, кромѣ вышеозначенныхъ должностей, поручена была ему должность Сотрудника Попечительства о призрѣніи бѣдныхъ духовнаго званія. Усердное прохожденіе этой должности снискало ему искреннюю благодарность Епархіальнаго Начальства. Всѣ эти должности онъ проходилъ до 1840 года. По случаю пожара, истребившаго всѣ его собственныя постройки и все имущество, онъ вынужденъ былъ на время отказаться отъ этихъ должностей, для приведенія въ новый порядокъ домашнихъ обстоятельствъ. Но не долго онъ оставался празднымъ: въ 1844 году вновь былъ назначенъ Благочиннымъ, каковую должность проходилъ 37 лѣтъ; кромѣ того, въ 1857 году назначенъ былъ уѣзднымъ цензоромъ проповѣдей, а также назначаеъ былъ Депутатомъ по многочисленнымъ слѣдственнымъ дѣламъ. Исполняя многостороннія обязанности, онъ любилъ, въ свободное время заниматься наукою: по временамъ онъ доставлялъ Императорскому Географическому Рускому Обществу свои замѣчанія о здѣшнемъ климатѣ, за что всегда получалъ отъ него искреннюю

благодарность. Но въ кругу его полезной дѣятельности первое мѣсто занимаетъ его невыразимо усердное стараніе о сооружеііи великолѣпнаго каменнаго храма въ своемъ приходѣ. Этотъ памятникъ долго—долго будетъ говорить о его благочестивой дѣятельности. Нужно замѣтить, что о. Протоіерей Бендеровскій всегда пользовался весьма ласковымъ вниманіемъ Князя Сангушко, владѣльца м. Бѣлогородки; это то вниманіе онъ употребилъ на благое дѣло—построеніе храма. Въ 1852 году онъ съ своими прихожанами занесъ прошеніе Князю, чтобы онъ построилъ новый каменный храмъ въ м. Бѣлогородкѣ на мѣсто вынѣшиѣй деревянной церкви. Князь согласился и въ скоромъ времени работы были начаты. Когда храмъ былъ выстроенъ на половину, последовало увольненіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. По этому поводу Князь отказался отъ дальнѣйшей постройки храма, извиняясь тѣмъ, что лишась прежнихъ отношеній къ нему крестьянъ, онъ лишился возможности кончить храмъ. Это обстоятельство причинило о. Протоіерею Бендеровскому много хлопотъ и трудовъ. Оканчивать постройкою такой громадннй храмъ средствами церкви, или прихожанъ нечего было и думать; оставалось понудить Князя къ окончанію храма, но это—не легко. Заведена переписка, стоившія много хлопотъ и не имѣвшія чрезъ шесть лѣтъ никакихъ успѣховъ. Наконецъ, поборникъ Православія на Волыни, Генераль-Губернаторъ Безакъ настоялъ на томъ, чтобы Князь кончилъ строимый храмъ на свой счетъ. Такимъ образомъ любимая мысль и желаніе о. Протоіерея—построить новый храмъ,—увѣчалась полнымъ успѣхомъ: храмъ уже конченъ. До такой степени онъ, можно сказать, былъ пристрастенъ къ этой постройкѣ, это видно изъ того, что онъ, чувствуя слабѣющія свои силы, отказался отъ всѣхъ

должностей и отъ прихода, но остался строителемъ храма до совершеннаго его обончанія.

Епархіальное Начальство съ своей стороны всегда достойно оценивало полезные труды о. Протоіерея; оно нѣсколько разъ письменно выражало ему свою признательность и благодарность за его труды и достойно награждало ихъ. Такъ: онъ разновременно получилъ въ награду за ревностное служеніе, набодренникъ, скуфью, камилавку, наперсный крестъ, бронзовый крестъ, орденъ св. Анны третьей степени и наконецъ произведенъ въ санъ Протоіерея. Духовенство же, нѣкогда имъ руководимое, въ день юбилея его пятидесятилѣтняго служенія Престолу Божію и словесной паствѣ, выражая свою признательность и уваженіе къ его заслугамъ, поднесло ему дорогую Икону, а прихожане—другую.

Св. Фотій *Переметницкій*.

СОДЕРЖАНІЕ: Нѣчто въ защиту монастырей и монашества (обончаніе). Пятидесятилѣтній Юбилей Заштатнаго Протоіерея м. Бѣлогородки, Заславскаго уѣзда, Петра Бендеровскаго. Братская Біографія Протоіерея о. Петра Бендеровскаго.

Редакторъ *П. Бѣллевъ*.

Дозволено цензурою. Кременецъ. 9 Апрѣля 1874 года.

Печатается въ Типографіи Почаевской Лавры.